

Влад Вегашин
ПРОБУЖДЕННОЕ
ПРОРОЧЕСТВО

Влад Вегашин

Пробужденное пророчество

Серия «Два лика одиночества», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=313042

Пробужденное пророчество: Ленинградское издательство; Санкт-

Петербург; 2009

ISBN 978-5-9942-02319-4

Аннотация

«...Когда посмотрит в сторону этого мира Серый Вестник, когда сталь принесет Рок и острое изменит Судьбу, когда останутся считанные годы до дня, в который сойдутся в битве заклые братья, когда откроет глаза новорожденная раса, которой нет, когда слепая синева распахнет Врата во Тьму, придет Возлюбивший. Отречется он от пути избранного и предначертанного, и примет путь predetermined, и будет этот путь путем великой любви, и погибнет он во имя ее, и кровью добровольной благословит мир».

Прозвучало древнее пророчество. И сплелись воедино нити тысячи судеб. Чужак из иной Вселенной, ищущий свое место под солнцем. Полукровка, освободивший бич этого мира. Проклятый истинным властителем Империи эльф. И слепая девушка, своей любовью способная как спасти этот мир, так и погубить его.

Слова сказаны, решения приняты – Пути не предначертаны, но уже избраны. И те, от кого зависит судьба мира, уже сделали шаг вперед.

Содержание

Глава I	6
Глава II	18
Глава III	32
Глава IV	43
Глава V	58
Глава VI	73
Глава VII	85
Глава VIII	102
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Влад Вегашин

Пробужденное пророчество

Я посвящаю эту книгу моей возлюбленной, Мэллон Аарн, без которой все было бы совершенно напрасно, и благодарю ее за то, что она вообще терпела меня все это время.

От всего сердца благодарю всех тех, без кого эта книга не была бы написана, а если бы и была – то совсем не так, как было бы правильно.

Спасибо Чеширской Кошке, Юрию Заболотному (alterius), Кате Карпинской, Никите Кудряшову и всем остальным, взявшим на себя тяжкий труд – вычитать эту книгу и найти в ней по возможности все логические и стилистические ошибки и несостыковки.

Спасибо Денису Привалову за помощь в работе над миром Мидиграда и постоянную критику.

Спасибо Елене Александровне Сегединой – за поддержку и тепло, и за веру в меня.

Спасибо моим друзьям, которые не оставили меня в трудную минуту, поддержали, и помогли найти силы продолжать писать, когда я готов был отказаться.

Спасибо Глебу Catharsis за добрые отзывы и прекрасное стихотворение, ставшее эпиграфом к книге.

Отдельная благодарность Иару Эльтеррусу за

неоценимую помощь в обретении основной идеи книги и за то, что «Два лика одиночества», собственно, напечатаны.

*Одиночество – жизнь. Одиночество – смерть.
Одиночество – вера в безверье.
Нам наградой послужит терновый венец.
Одиночество – тяжкое бремя.
Одиночество – шаг. Одиночество – крест.
Обреченный удел непокорных.
Что свобода для вас, то для нас – злая месть,
Наша правда вам кажется вздорной.
Одиночество – миг. Одиночество – взрыв,
Крик борьбы, а не просто беспечность.
Одиночество – знак... Одиночество – миф?
Одиночество все-таки – вечность...*
Глеб Catharsis

Глава I

Первый день в столице

Этой осенью ливни зарядили надолго. Вот уже восьмой

день мелкий серый дождик туманным облаком окутывал блистательный Мидиград, скрывая от глаз великолепие видимого издали Города Шпилей. Дождь разогнал по домам всех, даже коробейники и рыночные торговцы, плюнув на прибыли, остались в тепле родных стен. Временами морось усиливалась, уже дважды на имперскую столицу обрушивались ливни. Вода проникала даже на нижние¹ уровни города, вызывая яростные проклятия у их обитателей, вынужденных пробираться по улицам едва ли не на лодках. Легионеры же тихо и не очень радовались тому, что избавлены от необходимости патрулировать районы совместно с городской стражей.

Впрочем, этот день даже на фоне прошедшей недели отличался отвратительной погодой. Морозящий дождь усилился, еще не превратившись в ливень, но и мелким он больше не был. Ледяной пронизывающий ветер, примчавшийся с северо-востока, бросал горсти колючих капель в лица и за шиворот пробежавших время от времени по улицам горожан. Где-то в отдалении временами слышались насупленно-сердитые, словно бы чем-то недовольные, раскаты грома.

– Ну и погодка! Угораздило нас сегодня дежурить, орков хвост! – выругался Эри, пытаясь стряхнуть капли дождя с кольчуги.

– Не орков, а орочий, – меланхолично поправил его Джан.

¹ Имеется в виду Нижний город, подземные уровни Мидиграда. (Здесь и далее примечания автора.)

– А мне по... – грубо отозвался стражник. – Чего расселся, твоя очередь у ворот дежурить.

– Сейчас допью и пойду. – Джан все так же меланхолично отхлебнул из большой, исходящей ароматным паром кружки. – И вообще, вон в котелке грог горячий. Выпей, согрейся и успокойся.

– А кто на воротах стоять будет? Император?

– Но-но, ты поосторожнее с Императором! – одернул невоздержанного на язык товарища Джан. – А на ворота плюнь. Разве сейчас кто куда поедет? Да и Рости, поberi его Ярлиг,² с проверкой не явится.

– Да, сержант в такую погоду нос на улицу высовывать не станет! А уж свою задницу из кресла вытаскивать и с проверкой сюда идти... – согласился Эри, оставляя бесплодные попытки отряхнуть кольчугу и зачерпывая кружкой грог.

Но стражник не успел отхлебнуть горячего напитка. Едва он поднес кружку к губам, как в ворота постучали.

Эри выругался. Громко и витиевато. А поскольку ругательств он знал великое множество, его долгую и эмоциональную тираду оборвал лишь повторный стук.

Джан с явной неохотой выбрался из старого кресла перед печкой и, подойдя к наружной стене, открыл смотровое окошко. Злой ветер тут же швырнул ему в лицо пригоршню холодной воды, колючие капли больно прошлись по коже.

² Ярлиг – один из богов Старой Империи. Священники Пресветлого Магнуса объявили его демоном и властителем подземного мира.

У ворот стоял высокий человек с мечом за спиной. Один.
– Эри, это какой-то ненормальный одиночка. Я пропущу его через сторожку.

Напарник только кивнул, с наслаждением прихлебывая горячий глинтвейн.

Распахнув ведущую за пределы города дверь, Джан на мгновение высунул голову.

– Эй, там, у ворот! Сюда идите!

Через несколько секунд, пригибая голову, путник вошел в сторожку. Вода текла с него ручьями, Эри готов был спорить на недельное жалованье, что на незнакомце не было ни единой сухой нитки.

Он был черноволос, черноглаз, строен и очень высок – на голову выше Джана, в котором насчитывалось шесть футов. Мечей оказалось два; странно изогнутые, они крепились крест-накрест за спиной рукоятями вниз, чем-то напоминая номиканские клинки.³ Одет путник был в кожаные штаны, кожаную же, наглухо застегнутую куртку необычного покроя и высокие сапоги. Все черного цвета. Бледная кожа резко контрастировала с волосами и одеждой.

– Что же вас, сударь, в дорогу в такую непогоду понесло? – поинтересовался Эри. По тонким, аристократичным чертам лица ночного гостя стражник понял, что перед ним человек благородный.

– Дела, – коротко ответил путник. Голос у него оказался

³ Ближайший аналог номиканских мечей – японская катана.

неестественно хриплый, слегка шепчущий. Опытный Джан понял, что этому человеку привычнее говорить тихо, едва ли не шепотом, а причина хрипоты – давнее ранение в горло. На шее черноволосого виднелся шрам, подтверждающий догадку старшего стражника.

– Документы есть? – осведомился Эри.

Незнакомец ухмыльнулся и извлек из-за пазухи небольшой футляр, обтянутый некрашеной кожей.

– Вот.

Стражник привычным жестом открыл тубус и извлек небольшой свиток. Развернул его, пробежал глазами. И, не поверив, перечитал, быстро бледнея. Потом перевел взгляд на незнакомца, всматриваясь в его лицо внимательнее. Подошедший Джан взял документ, просмотрел...

– Что вам требуется? – тут же спросил он, взглядом затыкая открывшего было рот Эри.

– Обычные документы.

– Это все?

– Да.

Джан молнией метнулся к столу, развернул чистый лист бумаги.

– На какое имя выписывать документы?

– Вега де Вайл.

– Титул?

– Не ставь никакого.

– Род деятельности?

– Воин.

– А конкретнее? Легионер, стражник, наемник?

– Пусть будет наемник, – криво ухмыльнулся Вега де Вайл. От этой ухмылки стражникам стало не по себе.

Задав еще несколько вопросов Джан поставил печать и расписался, свернул бумагу и протянул черноволосому.

– Завтра завизируйте в Четвертом департаменте.

– Знаю. Где здесь можно остановиться?

– Получше или подешевле? – спросил Эри прежде, чем Джан успел открыть рот.

– И то, и другое.

– Тогда вам в «Пушистую наковальню». Это в трех кварталах налево и квартал вперед, к центральной стене.

– Благодарю, – Вега убрал документы в футляр, быстрым шагом пересек сторожку и вышел под дождь. В дверях он обернулся. – Вы меня не видели.

– Кто это был? – спросил Эри, едва за черноволосым захлопнулась дверь.

– Не знаю и знать не хочу. С обладателями подобного открытого листа лучше не связываться.

– Джан, я не понял. Там было сказано, что...

– Предъявитель сего имеет право принимать любые решения в интересах Тринадцатого департамента, действует по прямому повелению главы Тринадцатого департамента Александра Здравовича и так далее... – закрыв глаза, процитировал Джан.

– То есть?

– То есть ему позволяется даже шляться ночью по районам благородных. Эта бумага подписана главой департамента и подтверждена подписью Императора.

– Неслабо...

– Вот и я о том же. Мой тебе совет, Эри. Держись подальше от людей с такими документами. И запомни – ты никогда не видел человека по имени Вега де Вайл и никогда о нем не слышал.

Вега отбросил со лба мокрые пряди и зашагал к таверне, поправляя сумку на плече. Общение со стражей прошло на удивление удачно – открытый лист оказался ключиком, открывающим любые двери.

– Однако какие возможности дает бумага с загадочной подписью А. З. – Он усмехнулся.

Смешок получился сухой и нехороший. Может, оттого, что совсем не смешно было гостю этого мира?

Дождь перешел в ливень. Бегущие по улицам ручьи мгновенно отмыли сапоги Веги от дорожной грязи, тугие струи пригладили волосы. Но ему на это было наплевать.

Когда-то давно, в прошлой – или позапрошлой? – жизни дождь был ему самым лучшим другом, всегда помогая в трудные минуты. Но это было очень давно. Вега уже давно перестал получать удовольствие от прогулок под ливнем. Да и взаимопонимание с ним утратил – грозы больше не прихо-

дили ему на выручку.

На душе было паршиво. Все осталось позади – жена, дети, раса, к которой он принадлежал, друзья, любимая некогда, а в последнее десятилетие осточертевшая и бессмысленная работа... Он ни о чем не думал, когда уходил из родного мира. Уходил, чтобы больше никогда не вернуться. А сейчас, шагая по мокрым улицам затянутого пеленой дождя Мидиграда, наконец понял, что ему безразлична собственная судьба. Все в жизни казалось абсолютно бессмысленным и пустым. Легче и проще было бы остаться маской... И уж точно безболезненнее.

Зоркие черные глаза разглядели сквозь завесу ливня вывеску трактира. На ней действительно была изображена глазастая, пушистая наковальня, более всего напоминающая до неприличия раскормленного хомяка, которого слегка пригладили по спине кузнечным молотом.

Поднявшись на крыльцо, Вега пару минут постоял под навесом, ожидая, пока стечет пропитавшая одежду насквозь вода. Прошла минута, другая... Ручейки, струящиеся с рукавов и подола куртки, хоть и перестали напоминать собой миниатюрные водопады, но не иссыкли. Он выругался и распахнул дверь таверны.

В нос тут же ударили соблазнительные ароматы жарящегося на углях мяса, свежеспеченного хлеба и знаменитого на весь Мидиград (чего Вега, конечно, не знал) темного эля.

Посетителей в трактире было немало – из-за дождей мно-

гие не могли работать и убивали время в кабаках. Впрочем, люди собрались достойные – «Пушистая наковальня» была отнюдь не самым дешевым заведением ремесленных кварталов, зато самым лучшим – наверняка.

Вега прошел через зал к стойке, чувствуя на себе любопытствующие взгляды. Впрочем, людей, малознакомых с искусством боя, быстро отпугнули мечи за спиной, а те, кто знал, с какой стороны братья за оружие, не могли не заметить бесшумную пружинящую походку и по-кошачьи хищные движения, выдающие высококлассного воина. Так что никто не стал задерживать взгляд на Вега достаточно долго, чтобы это стало заметно.

Хозяин «Пушистой наковальни» был выдающимся представителем своей славной профессии. Ростом он почти перещеголял Вегу, а ведь тот, невысокий по меркам своей расы, лишь пары дюймов не дотянул до семи футов. Густая седая борода трактирщика сделала бы честь любому из легендарного ныне народа дворфов. На лысой голове блестел пот, с красного распаренного лица не сходила добродушная ухмылка, слегка поблекшие от возраста серые глаза хитро смотрели из-под кустистых бровей. Валуноподобные плечи, руки... Точнее, рука. Когда-то оборванный левый рукав рубашки обнажал могучие мускулы, а правый был зашит чуть повыше локтя.

Трактирщик окинул Вегу оценивающим взглядом. Отметил тонкие, аристократичные черты лица, рукояти мечей

за спиной, тяжелую, оттягивающую плечо дорожную сумку, уверенную походку. А также болезненную изможденность, бледность и лихорадочный блеск в странных антрацитово-черных глазах.

Не дожидаясь заказа, трактирщик потянулся к стоящему на углях чайнику и, щедро наполнив кружку ароматным глинтвейном, поставил ее на стойку перед черноволосым.

– Выпейте, сударь, не то к утру будете в лихорадке валяться, – пробасил он.

Вега благодарно кивнул, взял деревянную кружку, в три долгих глотка осушил ее. По телу пронесся огонь, почти мгновенно впитался в кровь и заструился по жилам. Он с облегчением вздохнул.

– Благодарю. У вас есть свободные комнаты?

– Надолго?

– Минимум на месяц.

– Могу предложить две комнаты во флигеле – зала и спальня. Вам это обойдется в две золотые марки в неделю. Если с кормежкой – то три.

Вега с готовностью выложил на стойку монеты.

– Меня это вполне устроит.

– Тогда мой совет, – этот бледный парень отчего-то вызвал симпатию старого Мэхила. – Мальчишка проводит вас в комнаты, переоденетесь в сухое, а потом приходите ужинать. Или, если пожелаете, еду принесут в комнату.

– Лучше второе, – ему почти удалось улыбнуться. – Я

устал в дороге.

– Хорошо, но... Маленькая формальность. В ваши бумаги заглянуть можно?

– Разумеется.

Вега полез за пазуху, недовольно при этом отметив, что пальцы слегка подрагивают. Но трактирщик жестом остановил его.

– Сперва переоденьтесь и поешьте. Формальности подождут. Кстати, я – Мэхил.

– Вега де Вайл. Можно просто Вега.

Насчет квартиры – иномирец обозвал новое жилище памятным еще с родины словом – Мэхил поскромничал. Зала оказалась большим помещением примерно сорок на двадцать футов, разделенным деревянной перегородкой-ширмой на две части. Также в квартире присутствовала маленькая комната с ванной и небольшая, но просторная спальня с удобной кроватью.

Переодевшись в мягкие замшевые штаны, сухие сапоги и толстую рубашку, перехваченную кожаным поясом, Вега развесил промокшую одежду сохнуть и приступил к разбору сумки.

Впрочем, разбирать было особо нечего. Пара картин на стену, коробка с акварелями и кистями, меч отца, пачка хорошей бумаги, немного одежды... Еще коробка с артефактами, плоская шкатулка с целебными эликсирами. Несколько

портретов детей и жены.

Со дна сумки Вега достал два самых дорогих для него, не считая мечей – своих и отцовского, – предмета.

Револьвер «Silver Eagle» – подарок лучшего друга, заклятого врага и командира, и небольшой, писанный маслом, портрет Францески – единственной женщины, которую он смог полюбить за все долгие двести пятьдесят шесть лет жизни. Погибшей у него на руках по его же вине.

Все невозможные здесь вещи – револьвер и фотографии, а так же запасные обоймы – он спрятал.

В дверь постучали – служанка принесла ужин.

Поев, Вега подошел к Мэхилу «уладить формальности». Трактирщик занес его имя в огромную потрепанную книгу жильцов. Сперва Вега хотел было посидеть в зале и поговорить с хозяином о жизни в столице Империи, но, едва взглянув на осунувшегося постояльца, Мэхил едва ли не силком отправил его спать.

У него еще хватило сил кое-как раздеться и рухнуть на постель. Уснул он раньше, чем черноволосая голова коснулась подушки.

За последнюю неделю он не то что поспать – передохнуть себе не позволял.

Мэхил же, отправив постояльца спать, тихо ухмылялся в усы. Он давно ждал его...

Глава II

«За что?..»

Затаившись под потолком камеры, Киммерион боялся даже дышать. Сейчас стражник должен был привести *пищу*, и оставалось только надеяться, что он будет один. В противном случае шансы на тихий, а главное – удачный побег резко падали.

Он долгие двадцать лет ждал этого дня. Сегодня тот, кто контролировал почти каждый вздох узника, наконец покинул здание главного штаба Тринадцатого департамента, и у Кима появился хоть и призрачный, но все же шанс на спасение.

Заскрипела решетка, открывая люк в потолке. На пол камеры рухнул человек со связанными за спиной руками, на миг мелькнуло лицо стражника.

Облекшись плотью, Киммерион резко выбросил руки вперед, вцепляясь ему в горло. Лишь бы не крикнул!

Крикнуть стражник не успел.

Оба рухнули на пол, прямо на связанного. Киммерион крепче придушил невезучего стражника, вскочил и посмотрел на потолок. Слава Дианари, решетка захлопнулась тихо.

Киммерион шагнул к связанному, приложил длинные пальцы к шее – к счастью, жив, хоть и без сознания. Из-под

тонких, бледных губ выдвинулись острые дюймовые клыки и жадно впились в яремную вену жертвы.

Покончив с *пищей*, Киммерион поднял полузадушенного стражника, присмотрелся к нему и удовлетворенно рассмеялся. Тот тоже был вампиром, хотя и много слабее своего узника, во власти которого неожиданно оказался.

Через мгновение клыки Киммериона лишили его краденной жизни. В камере остался сытый вампир, полный сил, и два обескровленных тела.

Киммерион уложил стражника на свою койку, укрыл одеялом с головой и отошел полюбоваться. Картина получилась вполне естественная – узник *выпил* свою жертву и, сытый, завалился спать. Вполне вписывается в рамки поведения вампира, которые он демонстрировал страже последние три месяца.

Первая часть плана была реализована безупречно, но нужно было еще как-то выбраться из подвалов Тринадцатого департамента, не привлекая к себе внимания.

Вновь обратившись в туман, Киммерион просочился сквозь решетку. В коридоре никого не было. Поднявшись под потолок, вампир полетел прочь от камеры, в которой провел отнюдь не лучшие двадцать с чем-то лет жизни.

Из подвалов он выбрался на удивление легко и только тут понял, что же не предусмотрел в своем почти идеальном плане побега. Если на улице сейчас день, то ему конец. Впрочем, лучше сгореть на солнце, чем заживо гнить в тюрьме, с

решимостью фаталиста подумал Киммерион.

Однако в этот день Мерцающая Звезда Дианари Лиаласа была на стороне беглеца. Солнце уже село.

Вампир спокойно выбрался из Города Шпилей, пролетел через благородные районы и оказался в квартале торговцев. Только тут он позволил себе выйти из состояния тумана. И понял, что побег отнял все и без того немногочисленные силы. Нужна была *пища*, нужен был отдых.

Пища нашлась быстро. По улице навстречу Киммериону брел какой-то бродяга, непонятным образом попавший в Верхний город. Вампир притаился в тени двухэтажного дома и, когда бродяга поравнялся с ним, утащил несчастного в темноту, предварительно оглушив. Преодолевая брезгливость, он насытился, а тело, предварительно оторвав голову, бросил в сточную канаву. Едва ли его там найдут до того, как тело сожрут крысы, а если даже и найдут, то не смогут определить истинных причин его смерти.

Покончив с этим малоприятным, но, безусловно, необходимым занятием, Киммерион нашел глубокий подвал, в который не мог проникнуть дневной свет, и попытался уснуть. Но сон не шел, только воспоминания нахлынули.

Киммерион тогда жил отдельно от родителей и сестры в небольшом лесном домике. В тот день он как раз вернулся с охоты и свежевал во дворе подстреленного кабанчика. Застучали копыта легконогого эльфийского жеребчика, эльф

хотел было открыть ворота, но Лианэй просто перемахнула на своем гнедом через четырехфутовый забор.

Киммерион в который раз залюбовался сестрой. Точечная фигурка, длинные волосы цвета меди, огромные зеленые глаза, озорной вздернутый носик, изящная линия бровей, полные губы... Она была самой красивой девушкой в их селении, обладая при этом самым несносным характером.

Но сейчас брови были сдвинуты, на щеках виднелись следы слез, губы искусаны в кровь. Вместо обычного охотничьего костюма на Лианэй была одежда для дальнего путешествия. В колчане за спиной виднелось оперение не легких охотничьих, а тяжелых, боевых стрел, да и притороченный к седлу лук был рассчитан не на оленя или зайца. У левого бедра висел узкий и длинный эльфийский меч со слегка изогнутым лезвием. Седельные сумки, которыми Лианэй обычно не пользовалась вовсе, были плотно набиты.

– Ким,⁴ они хотят выдать меня замуж! – закричала эльфа, спрыгивая с седла и бросаясь брату на шею.

– Осторожно, я же весь в крови! Лиа, расскажи по порядку, что случилось. – Киммерион аккуратно отстранил сестру и подошел к бочке с водой.

– Ладно, умывайся. Я пока расскажу, – Лианэй подошла к коню, сняла седло, набросила попону и повела кругами

⁴ Здесь и далее в разговорах на эльфийском языке употребляются сокращенные формы. Это «глюк» перевода. В эльфийском нет такого понятия, как краткое имя. Обращаясь к кому-то близкому, эльфы добавляют приставку, в зависимости от близости отношений и тесноты родственных связей.

по двору, позволяя ему отдышаться после долгой скачки. – Ким, ты помнишь Илленмиля?

– Капитана Лесной стражи?

– Его самого. Он ведь давно любит... то есть любил... – на глазах девушки появились слезы.

– Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? – Киммерион, в общем-то, догадывался об отношениях сестры и Илленмиля. Догадывался он и о том, что могло так расстроить девушку. Что же, капитан Лесной стражи – не самая безопасная должность в это смутное время...

Лианэй внезапно выпустила повод. Рухнула на землю и отчаянно, безнадежно зарыдала. Эльф в два прыжка оказался возле сестры.

– Выпей, – он едва ли не насильно влил ей в горло травяную настойку из своей фляжки.

Эльфа успокоилась и смогла объяснить, что произошло, лишь через час.

– Илленмилль любил меня, а я любила Илленмиля. Мы были вместе. Это наша тайна. До вчерашнего вечера о ней не знал никто, – голос ее был безжизненным, тусклым. Лианэй смотрела прямо перед собой, но Ким сомневался, что она сейчас что-либо видит. – Вчера вечером мы встретились в лесу за белой рощей. Мы часто там встречались. Потом пошли к Илленмилю домой. Знаешь, у него чудный домик на берегу озера Крионэ... Выпили вина, ну... Сам понимаешь, не маленький. Мы ведь давно вместе, и это было не в первый

раз.

Только взошла луна, мы лежали на берегу Крионэ, и все было чудесно. Иллен обнимал меня, я чувствовала себя бесконечно счастливой. Мы ни о чем не разговаривали – просто молча лежали и смотрели на звезды. Знаешь, в августе над Крионэ такие красивые звезды... Вдруг Иллен дернулся, и мне на лоб брызнуло что-то теплое. Я схватила за лицо и поняла, что это кровь. Понимаешь, Ким, *его* кровь! Я подняла голову и увидела, что в горле Иллена торчит стрела. А в тридцати шагах от нас стоит отец, – тут Лианэй вновь не выдержала и разрыдалась. – У него было *такое* лицо... Я настолько испугалась, что даже пошевелиться не могла. Отец натянул тетиву и положил новую стрелу. Я думала, он меня убьет, но... Он подошел, ударил меня, и я потеряла сознание.

Только сейчас Киммерион заметил ссадину на виске сестры.

– Когда я очнулась, то сперва решила, что это был дурной сон. Тут вошел отец, я догадалась, что пока была без сознания, он перенес меня домой. Отец сказал, что, несмотря на то, что я маленькая тварь, я все же остаюсь его дочерью, а потому он позаботится о моей судьбе. Он запер меня в комнате, оседлал коня и ускакал. Вернувшись только под утро, отец тут же зашел в мою комнату и сказал, что князь Нортахел согласен взять меня в жены. – Дальнейшие слова Лианэй потонули в рыданиях.

Киммерион только вздохнул, обнимая сестру. Он не пы-

тался ее успокоить – понимал, что бедной девушке надо выплакать свое горе. Эльф гладил сестру по волосам и напряженно думал.

В принципе князь Нортахел был не такой уж плохой партией, но репутация у него была весьма зловещей. Свою первую жену он убил за то, что она завела себе любовника и родила от него ребенка. Если бы только любовник был эльфом... Но он был человеком. Естественно, князь не мог стерпеть появления *такого* бастарда от собственной жены, и...

Куда делся маленький полуэльф, так никто и не узнал. Судя по всему, он разделил печальную участь своей матери.

– Лиа, прости, конечно, но... Тебе не кажется, что в твоём положении брак с Нортахелом будет наилучшим выходом? – осторожно поинтересовался Киммерион, когда сестра успокоилась.

– Наилучшим выходом для меня будет смерть! – категорично заявила эльфа.

– Сестренка, я понимаю, что тебе сейчас очень больно, но ведь Илленмиля уже не вернуть, князь же будет тебе хорошим мужем.

– И ты, Ким... – прошептала Лианэй, поднимаясь на ноги.

– Нет! – Киммерион вскочил, ловя ее за руку. – Подожди, мы не договорили... Объясни, почему ты не хочешь выйти замуж за Нортахела?

– Лучше я покончу с собой, – тихо, но твердо заявила эль-

фа. В ее глазах загорелась мрачная решимость.

Киммерион вздрогнул. Последняя фраза Лианэй означала, что далеко не все она рассказала брату. Если жизнелюбивая Лиа готова на самое страшное с точки зрения эльфийского народа преступление – самоубийство, то дело не только в гибели возлюбленного и навязываемом отцом браке.

– Ну с чего ты взяла, что с Нортахелом тебе будет плохо? – начал Ким, лихорадочно соображая, как разговорить сестру. – По-моему, в твоём положении это наилучший...

– В моем *положении* выйти замуж за князя Нортахела будет равносильно самоубийству! – вскрикнула эльфа.

Внезапная догадка пронзила Киммериона. Он с изумлением и страхом взглянул на сестру.

– Ребенок Илленмиля у меня под сердцем, – тихо, устало, но в то же время как-то торжественно проговорила Лианэй. – Уже третий месяц на исходе.

Киммерион долго молчал. Очень долго. Хотя решение он принял почти мгновенно, но подсознательно пытался найти другой выход. Искал – и не находил.

– Время позднее, сестра, иди спать.

Когда старший брат говорил таким тоном, даже своенравная Лианэй не решалась с ним спорить. Измученная эльфа уснула почти мгновенно.

Киммерион же оседлал коня и умчался в ночь. Времени в обрез, а сделать нужно многое.

Лианэй проснулась на рассвете. Над ней склонился Ким.

– Вставай, сестренка, уже утро. Надо торопиться. Завтрак на столе, я вернусь через полчаса.

Спустя тридцать минут эльф вошел в комнату сестры, одетый в дорожный костюм. За спиной – длинный меч, на поясе колчан с боевыми стрелами.

– Ты готова? Тогда в путь.

Через четверть часа Киммерион и Лианэй выехали со двора маленького лесного домика. Ехали молча.

Лиа рискнула нарушить молчание лишь вечером, на привале у костра.

– Ким, объясни мне наконец, что происходит? – слегка дрожащим голосом осведомилась она.

– Мы бежим, – со спокойной усмешкой пояснил Киммерион. – Сама понимаешь, отец от своего не отступится, а князь, как известно, бастардов не жалуется. Здесь тебе не жить. Да ты ведь и сама хотела сбежать, небось, попрощаться захотела?

– Но ты-то почему бежишь со мной?

– Лиа, или ты сказала что-то, не подумав, или решила меня обидеть, – покачал головой эльф.

– Прости, но...

– У меня же нет никого, кроме тебя, сестренка, – улыбнулся Ким. – А так и ты целее будешь, и я с ума сходить от страха за тебя не буду.

– Но куда мы едем?

– В Империю людей, разумеется. Лучше бы, конечно, на Север, но в объезд Империи дорога займет около года, а у нас нет этого времени. Я подумал – в Париас лучше не ехать, к оркам и соваться нечего, про Жестокие пустоши я и во все молчу, как и про Сэйкарон...⁵ Поедем через Империю, в Мидиграде задержимся, родишь, придешь в себя – и отправимся на Север уже втроем.

– Ким, но у нас нет ни денег, ни документов! Вообще ничего...

Вместо ответа эльф снял с пояса кошель и показал сестре.

– Здесь сто золотых имперских марок. А таких кошельков у меня три. Документы тоже есть.

– Но как же я буду рожать без мужа? У людей это не принято, а мы едем в их Империю...

– Кто сказал, что у тебя нет мужа? У тебя есть муж, – криво улыбнулся Ким. – В документах стоят имена Киммериона ан Илленмиль и Лианэй ан Илленмиль, состоящих в законном браке. К счастью, мы с тобой не очень похожи, только глаза одинаковые, но разве люди это заметят?

– Какая у нас фамилия?

– Прости, – мягко улыбнулся эльф. – Просто первое, что пришло в голову. Кроме того, мне кажется, будет справедливо, что твой ребенок будет носить имя своего отца.

⁵ В Париасе процветает работоторговля, Жестокие пустоши – места, подвергшиеся изменению Варпа (энергии Хаоса), в Сэйкалоне власть в руках Церкви Мазуса, неприемлющей не-людей. Ким ошибался только насчет орков – зеленокожие, несмотря на давнюю вражду с эльфами, беременной женщине помогли бы.

Лиа подошла к брату, села рядом и обняла его. Они были одни, вдвоем против всего мира, но не сомневались, что победят.

До этого момента Ким все помнил прекрасно. Впрочем, богатая на приключения дорога тоже не забылась. А вот те три месяца, что они прожили в Мидиграде, словно бы кто-то слегка подтер ластиком. Воспоминания были смутные, туманные и обрывочные. Какие-то отдельные моменты эльф помнил хорошо – исхудавшую Лианэй с большим животом, грубое лицо управляющего на плантациях подземных уровней, где Ким делал самую грязную работу за две серебряные марки в неделю, постоянно летящее в их с сестрой адрес оскорбительно-презрительное «нелюдь», холодную комнатушку в общинном доме...

А потом произошло то, что Киммерион с содроганием вспоминал все эти годы. Его жестоко избила банда отморожков, когда он в поисках хоть какого-нибудь заработка скитался по второму уровню Нижнего города. Кое-как добравшись до дома, Киммерион потерял сознание, а на следующий день не смог встать с постели. Нужны были лекарства, но денег на них не было. Всего огромного даже по столичным меркам капитала в триста золотых марок брат с сестрой лишились на третий день пребывания в столице – золото отобрали стражники. Как и документы.

Лианэй в отчаянии обратилась за помощью к Мамаше

Динки – толстой отвратительной бабе, жившей в комнате напротив и порой предлагавшей мало-мальски привлекательным девушкам возможность быстро заработать денег. Динки согласилась дать Лиа возможность заработать, но каким образом! Сказав, что у нее есть «идеальные» клиенты, она привела трех парней, которые забавлялись с девушкой сначала по очереди, потом вместе, заставляя Кима на все это смотреть. В память эльфа навсегда врезалась фраза одного из них: «Ай да Мамаша Динки! Какой товар! Когда еще удастся отыметь брюхатую нелюдь!»

Когда они ушли, Лиа, не глядя на брата, сказала: «Зато у нас теперь есть две золотые марки...», а, подняв на него глаза, вскрикнула – густые золотисто-каштановые волосы Киммерииона стали наполовину седыми.

Как девушка не потеряла после этих издевательств ребенка – неизвестно. Разве что Мерцающая Звезда берегла за чем-то несчастное дитя...

От самоубийства Кима тогда спасло лишь понимание того, что Лианэй без него погибнет.

С того дня в доме периодически появлялась еда, на которую не хватило бы его заработка. Трижды себя презирая и проклиная, эльф старался не думать, откуда Лиа достала деньги.

Потом был рейд Шестого департамента. У эльфов не было имперского гражданства, да и каких-либо других документов... Впрочем, в участке Ким и Лиа впервые за очень дол-

гое время досыта поели, а полицейские при виде откровенно выпирающего живота девушки – она была на двенадцатом месяце⁶ – принесли ей одеяла, подушку и матрац.

Через три дня за ними пришли. Четыре неброско одетых человека предъявили полицейским какую-то бумагу и забрали всех не-людей, в том числе Кима с сестрой. Возле участка стояла закрытая карета, в которую аккуратно усадили Лианэй и вежливо, но твердо – Киммериона. Так они попали в ООР, Отдел особых расследований, Тринадцатый стол Имперской Канцелярии.

События следующих двух месяцев память воспроизводить отказывалась напрочь. Дальнейшие воспоминания – обустроенная по вкусу Кима комната, он сидит на полу, рядом лежит Лиа. Исхудавшая, уже без живота, очень бледная и спокойная. Мертвая.

Все, что эльф помнил о последующих двух годах в застенках Тринадцатого департамента, можно описать скупой, почти ничего не выражающей фразой – глава ООР ставил над ним какие-то эксперименты. Подробностей эльф, к счастью, не помнил. Следующий отрезок времени Киммерион вновь потерял из памяти.

Очнулся Ким в подземной камере. Он был голоден. В камеру бросили человека. Неожиданно клыки эльфа удлинлись, он разорвал горло жертвы, с головы до ног перемазав-

⁶ Эльфийские женщины вынашивают ребенка двенадцать с половиной месяцев.

шись в крови. Так Киммерион понял, что стал вампиром.

Много лет Ким провел в этой камере. Через день ему кидали пищу, а когда охрана его не видела, он развивал в себе новые способности и учился ими управлять. Как только представился удобный момент, он сбежал.

В душе Киммериона жило лишь одно чувство – жажда мести. Он люто ненавидел Александра Здравовича и знал его тайну. Но для мести нужны были возможности, а сейчас их не было.

Воспоминания отхлынули. Эльфу хотелось кричать, выть, кататься по полу от душевной муки, но больше всего ему хотелось посмотреть в глаза Здравовича за миг до его смерти и спросить: «За что?»

Через некоторое время Ким забылся тяжелым сном. Впереди было много дел, и ему нужны были силы.

Глава III

Бастард его жены...

Последний раз проведя по лезвию полутораручного меча точильным камнем, Мантикора попробовал ногтем остроту клинка и удовлетворенно улыбнулся. То, что надо. Он еще не знал, кому уготовано обогреть меч своей кровью, но чувствовал только, что в первый раз сталь нового клинка согреть кровь эльфа. Ненавистная раса!

На поляну, посвистывая, вышел высокий темноволосый человек лет сорока. Его пронзительные серые глаза окинули пристальным взглядом полуэльфа, вкладывающего новый меч в ножны.

— Талеанис, ты помнишь, о чем я тебе говорил два года назад? — спросил темноволосый.

— Да, Растэн. Ты говорил, что придет день, когда мне нужно будет самому выбирать в этой жизни путь, — тотчас погрузнев, отозвался Мантикора.

— Вот он, этот день. Но прежде чем наши дороги разойдутся — возможно, навсегда, — я хотел бы тебе кое-что рассказать и кое-что передать, — легендарный мастер клинка Растэн Чертополох сел на камень напротив полуэльфа.

— Мне это не нравится, — пробурчал Талеанис себе под нос. Впрочем, у Растэна был отличный слух.

– Что именно?

– Вычурность и образность твоей речи, – мрачно пояснил юноша – а по меркам смешанной крови Мантикора был очень юн.

– Ну, прости старика, – рассмеялся Растэн. Смех получился натянутый. – И все же послушай...

Некогда бродил по миру один воин. Ничем особенным он не выделялся, разве что мечом владел мастерски. А в остальном – обычный человек, высокий, темноволосый, кареглазый.

И не повезло ему как-то раз попасть в крайне хитроумную засаду, подготовленную его старинным врагом. Как я уже говорил, он был очень умелым воителем и справился с нападавшими, но сам был сильно изранен. Сил хватило лишь на то, чтобы вцепиться в луку седла, перед тем как потерять сознание.

Воин долго не приходил в себя. Ночью на поле боя пришли шакалы, они напугали коня, и тот умчался, унося на себе воина.

Несколько шакалов долго гнали несчастного жеребца, а когда они отстали, испуганный конь промчался без остановки еще с десятков миль. Хороший был конь...

Но и тогда, убедившись, что погони больше нет, он стремился ускакать подальше от смердящих тварей, питающихся падалью. И унес воина в одно из западных эльфийских

княжеств.

Княжество то именовалось Крионэйским, в честь озера, на берегах которого располагалось. Правил им светлый князь Нортахел. И надо же такому случиться, что конь после долгой скачки выбежал прямо на дальний, необжитый берег озера Крионэ, где в тот момент купалась юная и прекрасная эльфа Инерика, жена князя Нортахела.

Сперва девушка испугалась, когда из кустов на берег выметнулся взмыленный конь, несущий на себе крепко вцепившегося в луку седла израненного человека. Но конь встряхнулся, онемевшие пальцы воина разжались, и он ничком рухнул в траву.

Человек, без сознания лежавший перед Инерикой, не выглядел ни страшным, ни опасным. Сердце Инерики дрогнуло, она решила помочь раненому, благо неподалеку жил ее хороший друг и названный брат Илленмиль. Княгиня позвала его на помощь, и вдвоем они перенесли воина в дом Илленмиля.

Около месяца Инерика ухаживала за раненым, а Илленмиль помогал ей во всем. Вскоре воин начал вставать, эльфа провожала его на берег озера Крионэ, и они вместе любовались закатом или рассветом, а то и звездным небом.

Неудивительно, что воин вскоре полюбил свою прекрасную спасительницу. И, как ни странно – а может, естественно? – она ответила на его чувства.

Они были вместе две недели. Потом вернулся Нортахел, и

Инерика была вынуждена проводить дни и ночи в обществе мужа. Воин мучался от разлуки и целыми днями упражнялся с мечом, не имея возможности найти себе иное занятие.

Прошел месяц, светлый князь вновь уехал, на сей раз подарив влюбленным целых три недели. Так и шло. Месяц-полтора Инерика проводила с мужем, недели две-три – с возлюбленным. И, казалось, даже небо не могло помешать их счастью. Пока не выяснилось, что Инерика понесла ребенка.

Подсчитав, она поняла, что отцом является... законный супруг. И чуть раньше положенного срока родила... полуэльфа.

Возлюбленная Илленмиля, посвященная в секрет княгини, одной из первых узнала о случившемся. Лианэй – так ее звали – смогла послать весточку и просьбу Инерики, адресованную воину, – беги!

И он бежал.

Разгневанный Нортахел жестоко убил жену, но поднять руку на ни в чем не повинного ребенка не решился, боясь прогневать Мерцающую Звезду, покровительницу эльфийского народа Дианари Лиаласу. Маленького полуэльфа Илленмилль должен был отнести подальше в лес и там оставить. Но в память о названной сестре Илленмилль поступил иначе. Он спрятал мальчика у себя, а когда Нортахел в очередной раз уехал по делам – это случилось спустя две недели – Лианэй взяла ребенка и умчалась с ним в степи, к оркам.

Прокравшись под покровом ночи в их стойбище, эльфа

оставила малыша возле одного из шатров. В лагере орков до утра с ним ничего случиться не могло, а на рассвете на маленького полуэльфа неминуемо обратили бы внимание часовые.

Расчет Илленмиля и Лианэй был прост – если мальчик здоров и жизнеспособен, зеленокожие его воспитают. Если же он слаб и болезнен – даже Дианари ему не поможет.

А надо тебе сказать, что не было случая, чтобы орки убили или бросили сильного, здорового ребенка, даже если он подкидыш, и то, какая кровь течет в его жилах, их волнует меньше всего.

Скажу еще только, что расчет эльфов оказался верен. Мальчик рос, учился владеть оружием, а в восемь лет убил мантикору, за что и получил прозвище – даром что ни на одно из ранее данных имен не отзывался – и цветную татуировку на левую щеку. Татуировку, изображавшую мантикору, припавшую на передние лапы и воинственно поднявшую хвост, увенчанный жалом.

Когда мальчику исполнилось девять лет, орки встретили странствующего мастера клинка по имени Растэн Чертополох. То есть меня. Я на некоторое время задержался в гостях у вождя, так как давно его знал. Познакомившись же с Мантикорой, решил обучать его. Разумеется, я предложил ему выбор. Он согласился. На следующий день орки ушли в одну сторону, а я и мой свежее испеченный ученик – в другую.

Обучение я начал с того, что дал полуэльфу имя.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

Предупреждая твой вопрос, Талеанис Мантикора, скажу одно – я ничего не знаю о судьбе твоего отца. Он покрыл свое имя позором, уступив последней просьбе любимой и сбежав. Даже мне неизвестно, что с ним случилось.

Растэн умолк. Пронзительно-серые глаза смотрели на полуэльфа, белого, как снег. Талеанис вцепился в рукоять меча, плотно сплетя на ней пальцы, темно-карие глаза невидяще смотрели перед собой. Заостренные кончики ушей едва заметно подрагивали. Он медленно отвел левую руку от рукояти, коснулся кончиками пальцев татуировки на щеке.

– Теперь ты знаешь историю своего рождения. Возьми это, – Растэн протянул Талеанису медальон в форме листка. – Все, что осталось от твоей матери.

Все так же медленно Мантикора протянул руку, серебряный листок лег в ладонь. Нащупав пальцами замочек, полуэльф раскрыл медальон.

Справа в причудливом узоре переплетались четыре древние эльфийские руны. Слева – длинный меч, обвитый странным растением с колючими цветками. Закрыв медальон, Талеанис медленно застегнул цепочку на шее. Сознание вскользь отметило, что листок не похож ни на одно знакомое ему растение. Позже, приглядевшись, полуэльф понял, что это вовсе не листок, а такой же колючий цветок, как те, что обвивали рукоять и лезвие меча в медальоне.

– Сейчас я уйду. Не знаю, увидимся ли мы еще. Я рад, что встретил тебя, рад, что учил. Может, то, что я тебе сейчас скажу, покажется странным, но уж потрудишься запомнить. Перед тобой теперь открываются все дороги этого мира. Меня рядом не будет. С этого момента только ты принимаешь решения и только ты несешь ответственность за последствия. Прежде чем выбирать – еще не дорогу, пока только направление, – подумай. Взвесь все, от этого зависит твоя судьба. Добро или Зло? Свет или Тьма? Прощение или месть? Спасение или гибель? Белое или черное? Помни – если ты выберешь один раз белое, тебе ничто не помешает в следующий раз выбрать черное. Помни – абсолюта, крайности не бывает. А главное – никогда не поступай вразрез со своей совестью. Упаси тебя Дианари, Творец и Создатель,⁷ вместе взятые, совершить поступок, за который ты сам себя будешь презирать.

Я могу сказать еще многое, но не в моих привычках повторять уроки. Я научил тебя всему, чему мог. Сказал все, что хотел, хотя словами говорил редко. Мой голос в движении меча, в случайном жесте, в неуловимом взгляде.

Прежде чем я уйду, я попрошу тебя выполнить одно необычное задание. Ты должен передать этот меч тому, кого сочтешь достойным, – Растэн снял со спины длинный меч, которым никогда не пользовался. Очень простой меч,

⁷ Создатель – великая, необъемлемая и всеобъемлющая сущность, создавшая все Сущее. Творец действует и творит лишь в рамках своей вселенной.

без изысков. Прямая, чуть расширяющаяся к концам гарда, удобная рукоять, клинок темной стали. Простые деревянные ножны, обтянутые кожей. И три крупных черных опала – в крестовине, вместо яблока и на наружной стороне заплочных ножен. Странно украшенный простой меч. Чертополох положил клинок на камень, на котором прежде сидел. – А теперь прощай. Или до встречи... Скорее, все-таки прощай.

Вокруг мастера клинка вспыхнул синий огонь. Мгновение – и Талеанис остался на поляне один.

Он вскочил, растерянно озираясь. Меч лежал на камне, трава там, где только что стоял Растэн, примята.

Усилием воли Мантикора заставил себя успокоиться. Пристегнул странный меч за спину – рукоять под левую ладонь, все равно сражался полуэльф, держа свой полуторник в правой.

Подойдя к привязанному поодаль коню, Мантикора положил ладонь на лук седла и на мгновение задумался. Затем свирепо улыбнулся и легким движением взлетел на спину лошади. Перегнулся вперед, отвязал коня.

Спустя десять минут полуэльф мчался на запад, в сторону эльфийских княжеств.

Даже по человеческим меркам внешность Нортахела была отталкивающей – все его лицо покрывали жуткие шрамы. Мантикора не преминул это заметить, следя за врагом из кроны дерева.

Он выслеживал эльфийского князя неделю, выжидая, когда тот останется один. Талеанис не был склонен недооценивать противника, он прекрасно понимал, что Нортахел был грозным воином, неспроста вот уже четыре сотни лет стоял во главе Крионэйского княжества.

Сегодня наконец случилось то, чего так ждал полуэльф. Князь отправился в лес один. Он шел, не таясь, прямой и высокий, а Мантикора неслышной тенью следовал за ним.

Через час Нортахел вышел на поляну. Зеленую лужайку пересекал звенящий ручей, на берегу которого рос удивительной красоты куст белых лилий. Князь подошел к цветам, присел рядом на корточки, легко коснулся пальцами нежных лепестков.

Талеаниса осенило – это же эльфийская могила! Лесной народ не использует каменные надгробия, они сажают на могилах цветы, любимые покойными при жизни. Эти цветы никогда не вянут, их не сечет град, не ломает ветер, а безжалостный ко всему растущему и цветущему мороз останавливается на почтительном расстоянии от такого цветка.

Мантикора неожиданно ясно представил себе свою могилу. Вокруг, насколько простирается взгляд – белый снег, а над захоронением большой куст колючих цветов, изображенных в медальоне.

«Заткнись!» – грубо оборвал он самого себя. – Ты – ба-стард, и тебе никто на могилу *такие* цветы сажать не будет!» Выпрямившись, Мантикора открыто вышел на поляну.

Нортахел быстро вскочил на ноги и обернулся, молниеносно опуская тонкую кисть на рукоять меча. При виде Талеаниса взгляд князя стал настороженным.

Полуэльф мрачно улыбнулся. Он понял, чья это могила.

– Кто ты такой и что здесь делаешь? – надменно спросил Нортахел на эльфийском.

Мантикора вдруг понял, что не рискнет говорить в присутствии эльфа на его родном языке. Более всего на свете он боялся пауков и насмешек, находя между ними много общего.

– У меня не меньше прав находиться здесь, чем у тебя, эльф! – ответил Талеанис на орочьем.

– Получеловек⁸ и выкормыш зеленокожих смеет так разговаривать со светлым князем? – В голосе звучала насмешка. – И каково же твое право, ублюдок?

Это не было попыткой оскорбить. Это злое слово – «ублюдок», как и «получеловек», всего лишь выражало отношение лесного народа к тем, в чьих жилах текла смешанная с эльфийской кровь.

Мантикора побелел. Он с трудом подавил желание сию секунду броситься на обидчика и разорвать его голыми руками, даже не обращая внимания на то, что князь каким-то образом определил, что полуэльфа воспитывали орки.

– Здесь лежит твоя жена, убитая тобой. И моя мать, уби-

⁸ Опять же трудности перевода. В эльфийском нет слова «полуэльф», только «получеловек».

тая тобой. Чем мое право хуже твоего? – Талеанис впился взглядом в противника.

И с наслаждением отметил, как расширились от удивления миндалевидные глаза Нортахела, как кровь отхлынула от его лица.

– Сама Дианари послала мне тебя, – прошипел эльф. – Ублюдок!

А вот это уже было прямым оскорблением. Таков уж этот певучий язык с повторяющимися гласными – все зависит лишь от интонации.

Меч мелькнул в руках Мантикоры.

– Вот это зрелище – ублюдок с ублюдком! – хрипло рассмехался Нортахел. Глаза его полыхнули ненавистью.

Ну почему, почему не было сейчас с полуэльфом мудрого Растэна? Почему некому было напомнить Талеанису, что иногда, прежде чем бросаться в бой, следует подумать? Почему никто не обратил внимание незадачливого мстителя на эту необъяснимую вспышку ярости, эту беспричинную лютую ненависть? И, наконец, почему хотя бы сам Мантикора не заметил блеснувшей на миг в глазах врага радости?

Глава IV

Долина Дан-ри

Лучи рассветного солнца заливали вишневый сад, расположенный в небольшой горной долине, окруженной неприступными скалами. Тяжелые спелые ягоды с трудом удерживались на тонких черенках, порой все же срываясь в изумрудную траву.

Сад был обнесен невысоким, фута два, символическим забором, как и прочие сады – яблоневый, сливовый, персиковый... Ну и, конечно, цветочные сады, разливающие по долине неземное благоухание.

И знаменитый на весь Париас сад камней, второе сердце долины Дан-ри.

Первым сердцем, безусловно, являлось здание в центре долины, сложенное из белых камней. Произведение искусства, поражающее изящностью, но в то же время простой архитектуры. Это был сам знаменитый монастырь Дан-ри.

Вокруг главного здания слегка в отдалении стояли полукругом двухэтажные дома – жилые помещения, за ними – несколько складов, где хранились зерно и овощи. Перед белокаменным зданием расположились сады, за складами – огороды и поля. Жители долины практически всем необходимым обеспечивали себя сами.

На рассвете все обитатели монастыря собирались на площадке между главным зданием и садом камней для медитации. Так было всегда, и сегодняшний день почти не был исключением. Почти – так как две циновки в кругу пустовали. Не было слепого Вагена и его ученицы, месяц назад вернувшейся из путешествия по Париасу, длившегося год.

Они сидели друг напротив друга, скрестив ноги и положив вывернутые ступни на бедра. Старик Ваген был в просторном, вишневого цвета одеянии, перехваченном зеленым поясом. Его собеседница, собравшаяся уже в дорогу, надела свободные, стянутые на поясе и щиколотках штаны песочного цвета и светло-зеленую рубашку на шнуровке, подпоясанную широким кожаным ремнем с крючками и кольцами, так удобными в дороге. Немного поодаль лежали фляга, походный плащ, что согдится в холодные ночи, заплечный мешок и боевой посох. Белый, гладкий посох, охваченный стальными кольцами, со стальным набалдашником и серебряным навершием.

– Это твое окончательное решение? – устало спросил Ваген.

– Да, Учитель, – голос у девушки был на редкость приятный, высокий, но звучный.

– Девочка моя, ты хоть понимаешь, что задумала? И насколько это опасно?

– Понимаю, Учитель. Но ничего не могу сделать. Просто знаю – мне нужно попасть в столицу Империи, Мидиград. Я

не знаю, какие боги зовут меня, но я должна...

Старик покачал головой. Пришло время открыть ученице одну из хранимых монастырем тайн, которые послушники обычно узнавали, пройдя Посвящение и став полноценными Танаа.

– Не светлые боги и не темные, Арна. Ни те, ни другие не могут на тебя влиять, они даже во сне тебе явиться не в силах.

– Почему?

– Это старая история. Более четырех тысячелетий назад наш мир стоял на пороге гибели. Началось с того, что группа невероятно сильных адептов Иерархии Света – да, была такая – начала истреблять все проявления Тьмы, Хаоса и Равновесия. Причем довольно успешно. Светлые почти уже взяли верх, как появилась неведомая сила, помогавшая Тьме. И уже другая Иерархия начала захватывать власть над нашим несчастным миром. Прошло некоторое время, и мир оказался на грани погружения в стазис, так как власть оказалась в руках адептов Равновесия. Каждый раз мир оказывался на грани гибели. После победы Равновесия он был закрыт Творцом, и даже самые близкие к нам миры стали частью Внешних Сфер. Ты понимаешь, почему это случилось?

– Потому что ни Свет, ни Тьма, ни Равновесие не должны побеждать, – спокойно улыбаясь, ответила Арна. Она была рада, что удастся удивить Учителя. Один Свет сожжет все вокруг, одна Тьма погубит, а Равновесие приведет в стазис.

Только действуя вместе, великие силы Мироздания способны творить, – улыбаясь, закончила она.

– Уже сама добралась до Книги?⁹

– Да, учитель. За два года странствий у меня появилось много вопросов, которые требовали ответов. Я рискнула открыть Книгу.

– Все-таки хорошо я тебя учил, – в голосе Вагена слышалась гордость. – Недостойного или неспособного с ней справиться Книга сожгла бы. А ты даже прочесть ее смогла.

Арна зарделась от похвалы.

– Я только четыре страницы...

– Мне дались лишь две. В девяносто пять лет. А у тебя все впереди, – последнюю фразу Ваген, не приученный врать, произнес слегка фальшиво, что не ускользнуло от внимания девушки.

– Учитель, ты что-то недоговариваешь...

Старик молчал долго. Ох, и страшная же доля выпала этой девочке, подумал он. Но пусть уж лучше будет знать, на что идет.

– После того как наш мир заперли, начались тяжелые времена. Страшные вещи творились, потребовалось три с половиной века, чтобы навести относительный порядок.

– Потребовалось кому?

– Ордену. Они называли себя Орден. Пять человек, при-

⁹ Имеется в виду так называемая Книга Истины, древнейшая реликвия монахов танаа.

шедшие неизвестно откуда, а затем ушедшие неизвестно куда, оставив своим последователям некоторые знания и заветы. Монастырь долины Дан-ри – последнее прибежище Танаа, последователей Ордена.

– Эти последователи – старейшины монастыря?

– Ну что ты, время истинных последователей давно миновало. Орден даровал им долгую жизнь, но не бессмертие. Сейчас последователями являются все, прошедшие посвящение Танаа.

Едва произнеся эти слова, Ваген понял, что сейчас ему придется расплачиваться за неосторожность – он буквально кожей чувствовал устремленный на него задумчиво-пронзительный взгляд ученицы. Хоть и знал, что быть этого взгляда не могло.

Арна долго молчала, прежде чем заговорить. А когда заговорила, каждое ее слово падало, как камень.

– Они ведь обладают немалой силой, эти последователи? Силой, которой практически нечего противопоставить, так? – Ваген кивнул. – Тогда почему они, обладая этой силой, не пытаются искоренить в мире зло и несправедливость?

К этому вопросу неминуемо приходил каждый послушник монастыря Дан-ри. И Ваген всегда знал, кому и как нужно ответить, но сейчас он должен был поступить иначе. Он должен был сказать девочке страшные слова, предложить ей то, от чего сам отказался семьдесят лет назад. И, что самое страшное, Ваген знал, что Арна не поступит, как он. Она

взвалит на себя эту ношу.

Впрочем, начинать все равно следовало издалека.

– Кто несет это зло? Люди. Ты предлагаешь убивать их?

– Но ведь не все люди несут зло...

– Не все. Но как ты собираешься отличить одних от других?

– По поступкам.

– А если человека подставили? Или у него были свои причины совершить поступок, который ты окрестишь злом? Или, допустим, злодей имеет жену, детей, которые его любят и в нем нуждаются? Не кажется ли тебе, что ты совершишь безусловное зло, лишив семью кормильца?

– А для чего тогда мы? – резко спросила Арна. Ее лицо потемнело, Ваген чувствовал это, хоть и не видел. – Просто для того, чтобы существовать в собственноручно созданном раю? Отсиживаться в долине, умыв руки, и оправдывать свое бездействие возможностью ошибки?

– Философия Танаа – невмешательство, – спокойно говорил Ваген. – Каждый, прошедший Посвящение, после того покидает Дан-ри и несколько лет скитается по миру в поисках подходящих нам по моральным качествам людей, которые...

– А этот Орден тоже так себя вел? – Арна даже не заметила, что впервые в жизни перебила Учителя.

– Да.

– Тогда как же их занесло в наш мир? Почему они его

спасли?

– Это были люди из нашего мира. Они не хотели видеть, как их родина гибнет, раздираемая войнами Света, Тьмы и Равновесия, и обладали достаточной силой, чтобы не допустить катастрофы.

– Но мы тоже родились в этом мире, и последователи тоже имеют Силу! Почему тогда...

– Да потому, что не так много знаний, оставленных Орденом, удалось сохранить. Да, у последователей есть Сила, но ее мало. Стоит Танаа заявить о себе и начать бороться с тем, что ты окрестила злом, как мы прекратим свое существование. Посвященным последователям хватит двух-трех ошибок, в результате которых погибнут ни в чем не виновные люди, и Сила оставит их. Или, что вероятнее, сожжет изнутри. Если бы вместе с Посвящением новоявленные Танаа получали Дар, тогда это было бы возможно, а так...

– Какой Дар? – тут же подобралась Арна. Она чувствовала, что Учитель неспроста повел разговор в такой плоскости и рассказал ей так много.

– Дар всех разумных Ордена. Умение читать чужие души, иначе именуемое эмпатией.

– А что он дает, этот Дар?

– Танаа, развивший в себе этот Дар, становится Искоренителем. Искоренитель видит Печать, которую Мироздание накладывает на душу всякого разумного. Печать, по которой умеющий видеть может определить, несет ли разумный зло в

такой степени, когда его действия начинают провоцировать инферно. И таких разумных Искоренитель уничтожает. Дар – или проклятие? – Искоренителя дается редко, но если уж он есть, то преступление не развивать его. Как в пятнадцать лет сделал я...

– У меня тоже есть Дар? – напряженно спросила Арна.

Старик грустно кивнул.

– Да, девочка. Поэтому ты уже стала Танаа, даже не пройдя Посвящение. Иначе ты бы просто не смогла открыть Книгу. Теперь, когда ты знаешь правду, в монастыре тебе не место. Только если откажешься от Дара...

– Я не откажусь.

– Арна, я не буду пытаться тебя переубедить, вижу, ты уже все решила. Но прошу, подумай еще раз. Быть Искоренителем – страшная судьба. Кроме долга, у тебя не будет ничего.

– А разве мне что-нибудь надо? – она улыбнулась. – Я мечтала об этом, не надеясь, что мечта сбудется, а теперь как минимум глупо будет отказаться от нее.

В саду повисла тишина. Учитель и ученица сидели друг напротив друга, погруженные в свои мысли. Наконец Ваген нарушил молчание.

– Ты хочешь о чем-то спросить?

– Кто ведет меня в Мидиград?

– Творец, – просто ответил старик.

Арна покидала долину Дан-ри спустя час от восхода солн-

ца. Фляжка на поясе, кошель с небольшой суммой денег за пазухой, дорожный мешок за спиной и белый посох в руке. Незрячие глаза Вагена были устремлены на север, куда она ушла. Он очень переживал за свою ученицу и гордился ею.

– Чистая, светлая душа, – прозвучал рядом знакомый голос.

Не ветке дерева, свесив хвост и сложив за спиной крылья, сидел дракон. Маленький, не более трех футов в длину, но не менее величественный, чем сгинувшие полтора тысячелетия назад его гигантские сородичи.

– Да. Чистая, светлая и смелая.

– Но дурная... – проворчал дракон. – Ей бы поучиться еще лет пять.

– Что поделаешь, иногда она упряма, как некоторые драконы. Раанист, ты умеешь видеть грядущее. Что ее ждет?

– Ничего хорошего. – Солнце играло на броне Рааниста, зеркальные серебристые пластинки переливались всеми цветами радуги. – Все, что ее ждет, начинается со слов «великий» или «жуткий». Великие деяния, жуткая ошибка, великая любовь, жуткая гибель.

– Гибель... Значит, она все-таки умрет.

– Все мы когда-нибудь умрем, даже я. Арна погибнет. Улавливаешь разницу?

– Жаль, что я не могу пойти с ней, – Ваген словно не заметил реплики дракона.

– Если бы я не лишился способности превращаться в эль-

фа, я сам пошел бы с ней. Я смотрел *вперед* – через несколько лет Империя, Париас и хаоситы устроят такое, что к нам вполне может навеститься Серый Вестник. – Раанист вздрогнул, чешуйки на спине слегка вздыбились. – От твоей ученицы будет многое зависеть. Если она, конечно, доживет до этих времен.

– Мне не нравятся твои слова про ошибку...

– А мне вообще не нравится то, что я вижу, – заявил дракон, расправляя крылья. Провожу-ка я ее. – И радужной молнией взвился в воздух.

Осторожно ощупывая посохом дорогу перед собой, Арна медленно двигалась по узкому карнизу, нависшему над пропастью. Любой неверный шаг – смерть. От края карниза до земли – добрых шестьсот футов, а внизу – острые камни. Однако девушка шла уверенно, посох в левой руке помогал не оступиться, пальцы правой цеплялись за скалу, к которой Арна прижималась спиной. Карниз был узким – едва ли десять дюймов шириной, но миниатюрная Танаа ступала по нему легко и с кошачьей ловкостью.

Раанист парил футах в трехстах от нее, боясь неожиданным появлением напугать девушку, что могло быть для нее смертельно опасным. Сейчас, находясь на некотором расстоянии от Арны, он мог спокойно любоваться ею. Длинные волосы цвета белого золота ниспадали до лопаток красивыми волнами, мягкие, немного неправильные черты лица,

обычно освещенные доброй улыбкой, были слегка искажены гримасой сосредоточенности, чуть сдвинутые от напряжения светлые брови ярко выделялись на фоне бронзовой загорелой кожи. Черная лента повязки скрывала глаза. Раанист знал, что они удивительно глубокого синего цвета, но, к сожалению, ничего не видят. Впрочем, внутреннее зрение Арны с лихвой компенсировало отсутствие зрения физического.

Дракон тяжело вздохнул, представив, сколь тяжкая ноша легла на хрупкие плечи этой слепой красивой девушки, почти девочки. Даже по людским меркам шестнадцать лет – это мало, чего уж говорить о драконьих...

Карниз закончился. Арна с облегчением вздохнула. Даже с ее выучкой и обостренным внутренним зрением было непросто его преодолеть. За спиной раздалось знакомое шелестение крыльев, разрезающих горный воздух.

– Ты забыла со мной попрощаться, маленькая.

– Прости, просто не знала, где тебя искать.

– Я сам тебя нашел, – привычно проворчал дракон, опускаясь на камень и складывая расцветенные солнечными лучами крылья. – Присядь, я хочу с тобой поговорить.

– Если собираешься отговаривать, предупреждаю сразу – бесполезно, – улыбнулась Арна, усаживаясь рядом с драконом. Ее пальцы ласково пробежали по чешуйкам на спине Рааниста.

– Знаю, что бесполезно. Потому даже пытаться не буду.

Но, надеюсь, от пары советов и наставлений старого дракона ты не откажешься.

– Я хоть когда-нибудь от советов отказывалась? – рассмеявшись, девушка сбросила с плеч мешок. – Только обещай не скатываться на банальности вроде «береги себя».

– Ну, только если на прощание. Ваген рассказал тебе о Даре?

– Да.

– Поскольку он от него отказался, знает твой учитель о Даре мало. Я расскажу тебе, что смогу. Дар будет просыпаться постепенно. Поначалу ты станешь просто чувствовать отношение разумных к себе, сможешь безошибочно распознать ложь и тому подобное. Через некоторое время это распространится на животных, с ними ты сможешь разговаривать на языке эмоций. Еще позже ты научишься видеть тринадцатый круг ауры.

Ты, вероятно, помнишь, что обычно в ауре разумного существа двенадцать кругов. На самом деле их пятнадцать. Последователям, принявшим Дар, дано видеть тринадцатый, богам, Хранителям и прочим сущностям их уровня – четырнадцатый. Пятнадцатый видит только Творец. Но речь не об этом. В тринадцатом круге ауры присутствует некая шкала, определяющая склонность разумного к Свету, Тьме или Равновесию, и еще одна, отражающая Добро, Зло и Равнодушие.

И вот здесь начинается самое сложное. Ты должна уничтожать тех, у кого вторая шкала на отметке «Зло» или «Рав-

нодушие». Если во втором случае еще видна первая шкала, то выбор за тобой, если же она отсутствует – уничтожь такую тварь немедленно.

– Уничтожь? – голос Арны дрогнул. Она всей душой отторгала любое насилие, а уж тем более – убийство. Так что перспектива стать палачом ее нисколько не обрадовала. – Раанист, ты же сам мне говорил, нельзя убивать даже ради благой цели.

– Я не предлагаю тебе убивать. К тому времени, как ты сможешь видеть тринадцатый круг ауры, ты научишься... Впрочем, научишься – узнаешь. А то если начну рассказывать, ты начнешь задавать множество вопросов, и наш разговор затянется надолго, времени же не так много. Еще твои враги – Зло и Тьма, Зло и Свет. Две самые страшные комбинации. Но помни – разумный попадает под это описание только если отметки абсолютны и пути назад у него уже нет.

– Подожди, а что насчет Равнодушия?

– Ты же читала Книгу. Помимо всего прочего, там сказано: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия творятся в мире все предательства и убийства». Когда-нибудь ты поймешь смысл этих слов, а пока просто прими на веру. Запомнила?

– Да, – еле слышно проговорила Арна. Слова Рааниста поразили ее и напугали.

Несколько минут они просидели в молчании. Наконец дракон вновь заговорил.

– За второй стадией развития Дара последует третья. Ты научишься читать в душах разумных как в открытой книге, у них не останется ни единого чувства, ни единой эмоции, которую ты не смогла бы почувствовать. Это называется *эмпатия*. Третья и завершающая стадия развития Дара. И при этом самая страшная.

– Почему?

– Когда ощутишь, какая гадость и гниль живет в душах большинства разумных, – поймешь.

– Раанист, почему ты все время говоришь «разумных»? Не проще ли сказать «людей»?

– Неужели не понимаешь? – удивленно воззрился на нее дракон. – Или ты думаешь, что тебе повстречаются лишь представители твоей расы? Я смотрел *вперед*, Арна. Твоим лучшим другом станет не человек. И полюбишь ты разумного, который будет лишь выглядеть как существо твоей расы, да и то не всегда. – Раанист поднялся, расправляя крылья. – Если хочешь сегодня преодолеть перевал – пора в путь. Не забывай о том, что я тебе сказал. И... береги себя.

В прыжке дракон сорвался с утеса, прокувыркался футов шестьдесят в свободном падении и, расправив крылья, устремился в долину Дан-ри.

Арна вновь взяла мешок, посох и пошла по едва заметной обычным взглядом тропинке, уводящей прочь от доли-

ны. Раанист был прав – непроходимый для непосвященных перевал преодолевать лучше днем. Ей, незрячей, было бы все равно, но под камнями таятся твари, с которыми не стоит встречаться при лунном свете. Именно благодаря этим невольным стражам Дан-ри считалась неприступной. За день найти перевал можно было, лишь зная бесчисленные секреты, которые обитатели долины хранили в глубокой тайне, а одна ночь в этих горах стала бы последней для кого угодно.

Да и путь Арне предстоял неблизкий. Она последний раз повернулась к долине лицом, прощаясь навсегда с родным домом, и быстро пошла прочь. Ее ждал Мидиград.

Глава V

Сломанные крылья

Глаза открывать очень не хотелось. Слишком хорошо было известно, что он увидит. Но безжалостный свет пасмурного утра настойчиво лез под ресницы. Голова болела, недвусмысленно намекая на то, что кружечка холодного пива будет сейчас как нельзя кстати.

Тихо помянув Спящего, Вега открыл глаза. Комната вокруг оказалась незнакомой и очень вычурно обставленной. Кровать, на которой он лежал, по размерам скорее походила на ристалище. Впрочем, услужливая память тут же подсказала, какие именно поединки здесь вчера проходили.

Вега скосил взгляд налево – никого. А вот справа обнаружилась раскинувшаяся в непринужденной позе рыжеволосая красавица с пышными формами. Ее звали... дьявол, как же ее звали?..

Стараясь даже не дышать, он сполз с постели, натянул валяющуюся на полу одежду и тихо вышел из комнаты.

За дверью обнаружились коридор, широкая лестница, холл и – слава Спящему! – выход.

Лишь оказавшись на улице, Вега понял, куда его занесло вчера неумное потребление мэхилковского фирменного эля. И эльфийской травяной настойки. И орочьего самогона. И...

Вроде все.

За спиной осталась дверь с вывеской, на которой, кроме фривольного рисунка, имелась надпись: «Кошка в сапожках». Самый популярный бордель столицы, расположенный в одном из «благородных» районов. Изысканные – и не очень – удовольствия на любой вкус.

Проверив содержимое кошелька, Вега с облегчением вздохнул – не все так плохо, как могло быть, – и направился в «Пушистую наковальню».

Мэхил встретил его неодобрительным взглядом и желанной кружкой холодного пива.

– Доброе утро.

– Чего же в нем доброго? – полупрошептал-полупросто-нал Вега. – Разве что это пиво...

Начался второй месяц его пребывания в Мидигrade, а он так до сих пор и не придумал, чем же ему заняться в столице Империи. В Гильдию наемников идти не хотелось, а чтобы добиться хоть относительно высокого поста в имперских легионах, требовалось лет десять потерянного времени и хоть какие-то связи в Седьмом департаменте. Более всего Вегу прельщала служба в Одиннадцатом столе Имперской Канцелярии, занимающемся разведкой и контрразведкой, но, опять же, чтобы занять высокий пост – а иначе ему было неинтересно, – требовалось время и связи. Первого было с избытком. Второе отсутствовало напрочь.

Еще, конечно, был Тринадцатый департамент. Он же От-

дел особых расследований – ООР. Но с ним все было совсем непонятно. Веге удалось узнать, что официально в Имперской Канцелярии было двенадцать столов, а вот ООР... По документам его не существовало вовсе, а так все знали, что он есть и не бездействует, но делали вид, что его нет. И эта загадка очень привлекала Вегу, в конце концов, он и сам в течение полутора веков возглавлял в родном мире Отдел специальных расследований.

Увлеченный загадкой Тринадцатого департамента, он собрал о нем кое-какие сведения и был удивлен некоторой несостыковкой в полученной информации. Официально – если можно употребить подобный термин в отношении не существующей по бумагам структуры – его возглавлял некто Николас Вандекампф. Вегин же открытый лист был подписан загадочной монограммой А. З. Как удалось узнать, монограмма расшифровывалась как «Александр Здравович». Он начал собирать информацию об этом человеке, но потерпел неудачу. О Здравовиче говорить не хотел никто, даже словоохотливый Мэхил, с удовольствием знакомящий чужеземца с реалиями жизни в столице, ловко избегал попыток выведать что-то об А. З. А когда Вега, не выдержав, задал вопрос напрямую, трактирщик посерьезнел и ответил: «Не знаю и вам знать не советую».

В общем, узнать об Александре Здравовиче удалось крайне немного. Это имя напрямую связывали с Тринадцатым департаментом, причем самые ранние упоминания, которые

удалось найти о нем в библиотеке, датировались временами сорок второго Императора, то есть около семисот лет назад. Загадочный А. З. вроде как входил в Императорский Совет порядка четырех веков назад. Также в книгохранилище обнаружился интересный старый трактат по военному делу, автором которого являлся... правильно, Александр Здравович.

Этому странному явлению нашлось лишь два логических объяснения, ни одно из которых любопытного Вега не удовлетворило. Первое: А. З. – это не имя, а, так сказать, «переходящий титул». Второе – речь о разных представителях одного рода, в силу той или иной традиции дающих наследникам имя Александр. Причем вполне возможно, большая часть этих Александров ничем особым не выделялась.

Далее собирать информацию об ООР Вега перестал. Он прекрасно понимал, что департамент наверняка тщательно проверяет прошлое своих сотрудников, а подтвержденной фактами легенды, способной пройти тщательную проверку подобной организации, у иномирца не было.

В результате пока картина будущего складывалась безрадостная. Был только один путь – в Гильдию наемников, но очень уж не радовала его подобная перспектива. Денег, что у него оставались, хватило бы еще на полгода относительно безбедной жизни, но...

Вега не умел просто развлекаться, прожигая жизнь. Его деятельная натура требовала большего, незаурядному уму

требовались задачи, а их не было. И вот уже две недели Вега пил.

После второй кружки пива заметно полегчало. Он вяло поковырялся в завтраке, решил, что аппетита у него нет, и поднялся в квартиру.

Фотографические портреты жены и детей стояли в резных рамках на тумбочке. Вега подошел, присел на край постели, взял их в руки.

С фотографии на него смотрела счастливо улыбающаяся Арига. Последние семьдесят лет она полностью сосредоточилась на роли матери и родила Веге двенадцать детей. Пять сыновей и семь дочерей. Учитывая то, что на их родине не было разницы между мужскими и женскими именами, Вега назвал детей в честь одиннадцати погибших воинов его элитного отряда. Последней дочери, родившейся за неделю до его ухода, он по просьбе Ариги дал свое имя.

Странная это была семья. Между Вегой и Аригой никогда не было иных чувств, кроме дружеских, если не вспоминать, конечно, совсем уж давнюю историю. Почти за сто лет супружества вдвоем в постели они оказывались раз двадцать – ради рождения детей. К счастью, беременела Арига на удивление легко – хватало одной-двух ночей.

У Веги временами появлялись и исчезали любовницы, у Ариги был долгоиграющий роман с сослуживцем мужа. Оба знали о похождениях друг друга, но о том, что такое ревность, даже не вспоминали. Да и брак-то их был заключен

исключительно по серьезному настоянию правителя, которым пренебречь было невозможно.

После того как вся их раса покинула родной мир, не имея возможности для дальнейшего развития в тех рамках, в которые их ставила Земля, у Веги было много работы. Он месяцами пропадал вне дома, сражаясь, расследуя и занимаясь прочими делами, которые позволяли забыть о пережитой трагедии...

Лет через десять жизнь его расы в новом мире пришла в норму. И Вега, оставшись практически без работы, заскучал. Еще лет тридцать они периодически дрались с разумными и не очень обитателями захваченного мира, а потом... Главе Отдела специальных расследований, лучшему воину своего народа, легенде последнего тысячелетия, стало скучно. Расследовать, тем более – специально, было нечего, а сражаться не с кем.

Вега с головой ушел в рисование. Он был гениальным художником. Герои его полотен смотрели зрителю в глаза, выворачивая душу наизнанку. Не описать словами душевное состояние тех, кто рискнул открыть сознание навстречу краскам Веги, его кисть меняла мировоззрение и мироощущение вернее, чем опытный гример меняет внешность. Он был гением.

И гений сходил с ума от безысходности и бесполезности. Он ощущал крылья за спиной, пытался взлететь, но... Каждая попытка завершалась неудачей, оставляющей крово-

точащий шрам, глубокий рубец на душе. Слишком невыносимой была боль осознания крыльев. Сломанных крыльев.

Все чаще и чаще Вега запирался в своем флигеле. Он рисовал, нет, пытался рисовать, но созданные в эти мгновения полотна летели в огонь. А художник с пеной на губах катался по полу, сходя с ума от невыносимой муки. От муки непонимания, приходящей к каждому, кто является не просто куском мяса, созданным для того, чтобы жрать, приобретать, получать удовольствие и плодить себе подобных.

Несколько раз Вега, разочаровавшись в картинах, пытался писать стихи. Но лишь убеждался, что таланта этого, в отличие от Диеги, лишен начисто. В самом деле, не считать же стихами выплеснутые на бумагу боль и безнадежность, мечту и понимание ее неосуществимости, к тому же плохо зарифмованные:

Боль в спине. Мне сломали крылья,
Уже не помню, в который раз.
Боль в душе. Под словесной пылью
Скрывался кинжал из отточенных фраз.
Попытка сбежать из постылого мира,
Безнадежный прыжок из себя в никуда —
Я не верю богам и пророкам бескрылых...

Обрывалась рифма, терялась мысль. И Вега часами сидел над листом бумаги, мучительно выдавливая из себя облитые кровью и выведенные болью слова. Понимал, осознавал,

принимал бесполезность их.

И вновь катался по полу, содрогаясь в агонии души.

А в какой-то момент понял, что так больше продолжаться не может.

Понял – и ушел.

Вега сжал зубы. Накатившие воспоминания вызвали резкую боль, и он не сразу понял, отчего застарелая душевная мука вдруг запульсировала в губе. А когда понял – едва не рассмеялся, выплевывая на стол осколки глиняной кружки.

Во рту остался солоноватый привкус. Вега усмехнулся. При всем отличии его расы от человеческой его кровь – черная и густая – была такой же на вкус. И сейчас это почему-то показалось смешным.

Он поднял голову, огляделся. В зале «Пушистой наковальни» было по-вечернему много народу. Бросил испорченную кружку под стол – надо не забыть заплатить.

За месяц с лишним, проведенный в таверне Мэхила, Вега успел по достоинству оценить знаменитый эль. Конечно, ему было грустно без обожаемого коньяка, но здесь этот благородный напиток неожиданно оказался иномирянину не по карману.

– Разрешите? – оторвал его от коньячной ностальгии низкий мужской голос.

Вега поднял взгляд. Возле стола стоял широкоплечий человек среднего роста, одетый в кожаные с мехом штаны и

волчовку поверх кожаной рубашки. Пшеничного цвета волосы спутанной гривой падали на спину, борода, заплетенная в несколько косичек, спускалась до пояса, на котором в ременных петлях висели две внушительного вида секиры. В руке человек держал кружку эля.

Вега обвел взглядом зал и заметил, что свободных мест, кроме как за его темным угловым столом, в зале нет.

– Присаживайся, – он отодвинул тарелку с остатками ужина.

Незнакомец опустился на скамью, сделал несколько больших глотков из кружки.

– Рагдар, – представился он, протянув через стол широкую ладонь.

– Вега.

Рагдар вновь приложился к кружке. Сейчас, в неверном свете камина, Вега мог более подробно его разглядеть.

Волевое лицо с обветренной кожей выдавало в нем северянина. Сине-серые, со стальным проблеском глаза смотрели твердо и прямо, и в то же время мелькало в них что-то неуловимо знакомое. На вид Рагдару было лет сорок, впрочем, скорее всего, он был несколько младше – Север старит рано. На лице и частично открытой груди виднелись шрамы – как застарелые, побелевшие от времени, так и более свежие, сизые.

– Паршиво чувствовать, что, добившись многого, ты все потерял и вынужден начать жизнь с чистого листа.

– Еще паршивее, когда не теряешь, а по своей воле оставляешь все, чего добился, понимая, что всю жизнь занимался не тем, чем должен был. Оставляешь все и идешь вперед, и обнаруживаешь, что путеводная звезда, на свет которой шел, – всего лишь обманка, оброненная кем-то серебряная монета. Назад дороги нет, а впереди – ничего, – поражаюсь самому себе, отозвался Вега. Почему-то своим ответом он был изумлен намного больше, чем странной фразой северянина. Слова варвара его как раз не удивили.

Может, оттого что он вспомнил, где видел это неуловимо знакомое выражение глаз?

Эль в кружках закончился. Вега жестом велел слуге принести кувшин.

Разговор затянулся до полуночи.

Рагдар и Вега с первого взгляда прониклись взаимной симпатией и уважением. А после довольно откровенной беседы, в которой поведали друг другу свои истории, и вообще могли назваться друзьями. Северянин в своем рассказе был полностью искренен, Веге же пришлось хоть приблизить описание своей истории к истине максимально, но все же некоторые страницы жизни скрыть, дабы не шокировать Рагдара своим иномировым происхождением и нечеловеческой природой. Рассказ же варвара был хоть и оригинален, но не нов.

Рагдар с детства был сильнее, ловчее, а главное – умнее

своих сверстников. Вот только с вождем клану Росомахи, к которому он принадлежал, не повезло – Грэйд был хоть и чудовищно силен, благодаря чему и занимал свой пост, но весьма недалек, более того, попросту глуп. К тому моменту, как Рагдару исполнилось пятнадцать лет, вождь поставил клан на край гибели. Он обладал поистине феноменальной силой и потому легко убивал в поединках всех, кто осмелился бросить ему вызов в попытке занять место вождя.

В день своего пятнадцатилетия Рагдар вонзил секиру у шатра вождя, что означало вызов на бой за главенство в клане. И победил.

Сестра юного варвара, бывшая одной из жен вождя, дала Грэйду перед боем отравленное питье. Так Рагдар впервые принес свою честь в жертву родному клану.

Шли годы. Росомахи под предводительством Рагдара процветали. Он женился, обзавелся наследником. А потом на вольные тогда земли у северной границы Империи пришли люди с Дальнего Севера. Их привел Князь-Чародей, пятнадцать лет назад собравший воедино Северные Княжества, лежащие за землями Росомах, Медведей, Оленей, Волков и прочих кланов варваров-кочевников.

Сперва Князь-Чародей прислал вождям всех кланов предложение присоединиться к нему, но вольные, не привыкшие подчиняться кому-либо, варвары ответили отказом. Владыка Дальнего Севера отправил повторное предложение, при-совокупив к нему предупреждение – не подчинившиеся его

воле будут уничтожены.

Тогда между кланами и произошел раскол. Волки и Совы перешли на сторону Князя-Чародея, а Медведи, Лисы и Ло-си разделились – половина ушла вслед за Волками, половина объединилась с Росомахами, сильнейшим на тот момент кланом. Объединенные племена возглавил Рагдар. Ему тогда было тридцать два года.

У варваров был шанс устоять против воинства Князя-Чародея. Не победить – но и не проиграть. Если бы не предательство.

Многие в объединенных кланах были недовольны тем, что вынуждены подчиняться одному Рагдару. Многим не нравился вынужденный союз с исконными врагами, особенно это не нравилось Оленям и Турам, издавна ненавидящим друг друга. И однажды вспыхнула междоусобица.

Самым страшным для Рагдара оказалось даже не поражение. Самым страшным оказалось знание, кто именно встал на сторону Князя-Чародея. Рагдара предал его пятнадцатилетний сын, решивший, что раз отец стал вождем Росомах в этом же возрасте, то он достоин этого не меньше.

Однако мальчишка не обладал умом и проницательностью родителя. Он так и не понял, что, спровоцировав раскол с последующей ночной резней, в которой погибли почти все сторонники Рагдара, – им даже не дали шанса взяться за оружие и умереть достойной для воина смертью – тем самым буквально на блюде преподнес Князю-Чародею все, что

осталось от объединенных кланов. Когда же наконец понял – было уже поздно.

Когда воины Владыки Севера – теперь уже без приставки «Дальнего» – нашли Рагдара, он был почти мертв. Князь, уважавший воинскую доблесть и несгибаемую волю, приказал вылечить бывшего вождя Росомах и отпустить. Однако просто уйти Рагдар отказался. Он вызвал захватчика на бой. И проиграл.

К удивлению Рагдара, его оставили в живых. Он ушел. Правда, недалеко.

Спустя неделю варвар ночью прокрался во вражеский лагерь, отыскал шатер сына и, не тронув более никого, всадил ему кинжал в рот. По традиции Росомах такая казнь означала: «Убивающий спящих лишь той же смерти достоин».¹⁰ После этого Рагдар навсегда покинул северные земли, теперь принадлежавшие Князю-Чародею, и ушел в Империю. Спустя три года дорога привела его в Мидиград.

Чуть пошатываясь, Вега поднялся в свою квартиру. Ему было очень плохо. Рассказ Рагдара и собственные воспоминания вновь швырнули его в черную яму отчаяния, разбудили нестерпимую боль, которую лишь на какое-то время удавалось заглушить алкоголем.

¹⁰ По вере северян, воин, умерший не с оружием в руках, после смерти не мог присоединиться к Небесному воинству Вэндиго (северного божества, повелевающего метелями и снегом), а в перерождении становился либо нехищным зверем, либо женщиной.

Первое, на что наткнулся взгляд Веги, едва тот переступил порог, – проклятый мольберт. Он достал бумагу, кисти, акварели... И невидящим взглядом смотрел на чистый лист. Хмель в голове постепенно рассеивался, уступая место привычной боли.

В оконное стекло застучали первые капли начинающегося дождя. Возможно, он пришел Веге на помощь, пытаясь, как в былые времена, смыть боль. Но теперь дождь не был ему другом. Теперь он только будил воспоминания о самой страшной потере.

Перед глазами иномирца вновь встала жуткая картина: любимая заслоняет его собой от смертоносного заклинания, от которого он не успел бы увернуться... Франческа падает, а он даже не может посмотреть, что с ней, – вокруг кипит бой. Наконец бой заканчивается, заканчивается победой, но Вегу охватывает тупое безразличие. Он падает на колени рядом с умирающей Францеской, первые капли дождя чертят дорожки на ее лице, на несколько мгновений приводя в сознание. И первый и последний раз с уже помертвевших губ срываються заветные слова – «я люблю тебя». Последние слова. Он поднимает мертвую Францеску на руки и прижимает ее к себе, ту единственную, которую когда-либо любил. И первый раз в жизни плачет.

Дождь набирает силу.

Кисть, так и не коснувшаяся бумаги, выпадает из тонких пальцев. С криком он валится на пол. Боль сводит с ума.

Боль и пустота.

Не осталось ничего, за что можно было бы уцепиться, подобно хватающемуся за соломинку утопающему. У Веги не осталось ничего. Перед внутренним взором промелькнули лица бывшего командира – друга, врага и наставника, воинов его элитного отряда, друзей, Ариги, детей... Задержался неузнанный в первое мгновение образ, но тут же Вега понял – это Рагдар. Не успел он удивиться, как лицо варвара исчезло. Вплотную подступили темнота и пустота, осталась только боль...

Глава VI

Ученик скрипача

Киммерион не сразу понял, что его разбудило. Впалой щеки ласково касалось что-то теплое, почти неосязаемое. Эльф осторожно открыл глаза. И, едва подавив крик, метнулся в сторону. Рванный плащ, на котором он только что лежал, причудливым узором расцветчивали лучи солнца, пробивавшиеся через потрескавшуюся кладку фундамента.

Обругав себя последними словами за непредусмотрительность, Ким посмотрел на выход из подвала. Узкий проход заливал солнечный свет. Он был заперт.

Какая-то мысль неуловимо крутилась рядом, махала хвостом перед самым носом вампира, не позволяя поймать себя. Киммерион задумчиво посмотрел на служивший постелью плащ, потом – на трещину, в которую пробивался свет. И понял, что пролежал на солнце не менее десяти минут. Вскинув руку, эльф коснулся пальцами щеки, все еще теплой от солнечного света.

Медленно, еще не в силах поверить, но до безумия боясь ошибиться, Киммерион протянул руку. Лучи упали на бледную кожу.

Не веря, Ким смотрел на свои пальцы, которым солнце не причиняло вреда. Затем решительно сжал зубы и шагнул на

свет.

Он почти час простоял, купаясь в солнечных лучах. Забытое за долгие годы заточения чувство ласкового тепла будило в вампире воспоминания. Перед глазами вставали родные леса, озеро Крионэ, ласковый ветер, развевавший его волосы, когда Ким наперегонки с Лианэй носился по тропинкам и полям...

Прядь волос упала на лицо, когда эльф с хриплым стоном уронил голову. Волосы были абсолютно белыми.

Когда через несколько минут Киммерион поднял голову, его лицо разительно изменилось. В нем не осталось ничего от того, прежнего Кима. В ярко-зеленых глазах горела мрачная решимость и лютаая ненависть к тому, кто убил Лианэй и искалечил его. У Александра Здравовича появился еще один заклятый враг.

Дни шли своим чередом. Используя природную ловкость, Киммерион научился неплохо воровать, в результате чего обеспечил себе вполне сносное существование – маленькая комната в недорогой таверне «Бык на вертеле» на окраине Мидиграда, главное преимущество которой было в том, что там никто не спрашивал о его документах. Питание – несмотря на вампирскую специфику приема пищи, обычная еда ему тоже требовалась, одежда...

Но этого было мало. Ким прекрасно понимал, что рано или поздно его поймают. А с нелюдем, не имеющим не то что

имперского, а тем паче мидиградского гражданства, но даже обычных документов, особо церемониться не станут. Закончить же свою жизнь на виселице эльфа вовсе не улыбалось.

Перспектив не было. Он даже не мог стать наемником — все упиралось в проклятые документы. Впрочем, даже если бы они были, что обычный наемник, пусть и с необычными способностями, может противопоставить всемогущему главе Тринадцатого департамента?

Эти пессимистические мысли не помешали лезвию в ловких пальцах Кима быстро и аккуратно отделить кошель от пояса какого-то зазевавшегося горожанина. Острые эльфийские глаза скользнули по сторонам, проверяя, нет ли где стражи, и... встретились со спокойным взором темно-карих глаз пожилого мужчины с седыми волосами до пояса, заплетенными в косу.

Киммерион замер. Он понял, что тот прекрасно видел, как кошель поменял владельца. Один крик — и эльфа ждала бы та самая виселица, встреча с которой не входила в его планы на ближайшее будущее. Но седой лишь укоризненно покачал головой и поманил вампира к себе. Опустив кошель в карман, Ким выскользнул из толпы и направился к незнакомцу. Но едва эльф приблизился, как мужчина, жестом пригласив Киммериона следовать за собой, развернулся и пошел в сторону Вольного квартала, прибежища музыкантов, художников, актеров и прочих представителей творческих профессий.

Пройдя по извилистым улочкам и переулкам, они вышли к небольшому саду, в глубине которого прятался маленький двухэтажный дом. Тихо и печально скрипнула несмазанными петлями калитка в кованой решетке, опавшие по осени листья прошелестели под ногами седого, когда он поднялся на крыльцо и отпер дверь.

Внутреннее убранство дома ясно говорило о том, что его обитатель одинок и уже давно не вылезает из финансового кризиса. На второе явственно намекали недорогая мебель, потрепанный плащ в прихожей, легкий запах дешевого масла для лампы, о первом сообщали пыль на комод, растрепанные тетради на столе в кабинете, куда хозяин провел Кима, сваленные грудой ноты у пюпитра... Здесь давно никто не наводил порядок, женщина же последний раз посетила этот дом много лет назад. Однако чувствовалась во всем этом и своя непередаваемая атмосфера творческого беспорядка.

Мужчина небрежным движением скинул с потертого кресла не менее потертую шляпу, жестом предложил Киммериону присесть, но эльф предпочел остаться на ногах, прислонившись к подоконнику. Окно было завешено тяжелой шторой. Седой сам опустился в кресло.

– Я давно искал тебя, – голос у него был низкий, с хрипотцой.

– Меня?

– Да. Того, кто сможет стать моим учеником.

– Учеником? – вновь тупо повторил Киммерион. Он находился в полной растерянности, не понимая, что происходит.

– Да. Я скоро умру, детей или других родственников у меня нет, а оставить кому-то нужно многое. У тебя есть все для того, чтобы стать моим наследником, – талант, способности, желание и целеустремленность. Твои пальцы созданы не для того, чтобы резать чужие кошельки.

– Но...

– Никаких «но». Я предлагаю тебе стать моим учеником. Разумеется, ты можешь отказаться и уйти, я не стану тебя задерживать. Да и если бы попытался, не думаю, что у меня это получилось бы.

– Я просто хотел спросить, чему учиться?

Вместо ответа мужчина встал, подошел к столу, открыл один из ящичков и достал футляр, обтянутый серой кожей. Откинул крышку и извлек сделанную из красноватого дерева скрипку и смычок. Он поднес инструмент к плечу, прижался к ложу подбородком, взмахнул смычком...

Киммерион очнулся лишь через пять минут после того, как стихла музыка. И не сразу понял, что по его щекам текут слезы. Пронзительная мелодия вывернула его душу наизнанку, подняла из глубин подсознания то, о существовании чего эльф и не догадывался. Сейчас он чувствовал лишь одно желание, но желание непреодолимое. Киму казалось, что если его пальцы не ощутят сию же секунду тугие струны скрипки, если не взлетит к небу музыка, извлекаемая не из

инструмента, а из страдающей души, то он умрет. Тотчас же умрет.

Как и всякий эльф, Киммерион умел неплохо играть на лютне и гитаре, но никогда не ощущал особой тяги к музыке. До этого часа. Сейчас же ему жизненно необходимо было взять в руки скрипку.

Он даже не заметил, как седой приблизился к нему и протянул ее. Правая рука, прежде ни разу в жизни не державшая смычку, сейчас взяла его, словно и не выпускала никогда. Скрипка легла меж подбородком и плечом, уютно устроилась, как девушка в объятиях любимого мужчины. Киммерион осторожно коснулся смычком струн, извлекая из полированной деки первые ноты рождающейся мелодии.

– Я знал, что не ошибся, когда разглядел в тебе Талант, – говорил седой Губерт. – Я не мог ошибиться. Ты рожден для этого.

Они сидели в гостиной и пили вино. Ким все не мог прийти в себя.

– Но как ты нашел меня?

– Почувствовал. Такие, как мы, Киммерион, всегда очень хорошо чувствуют друг друга, особенно если ищут специально. Я стар, мне осталось жить не так много, но я должен кому-то это все оставить. Я искал ученика уже полгода и вот сегодня нашел тебя. Ты прирожденный скрипач.

Эльф опустил подбородок на переплетенные пальцы. Он

чувствовал необъяснимую симпатию к этому седому скрипачу, ничего так не хотел, как стать его учеником, но в то же время понимал, что тот так к нему относится лишь потому, что не знает: Ким – чудовище. Чудовище, живущее за счет чужой жизни. Он давно умер, а нынешнее существование попросту крал, как чужие кошельки. Но эльф не мог найти в себе силы лгать Губерту.

– Ты не знаешь, кто я. Если бы знал – не пригласил бы в свой дом.

– Я вижу, что ты – не человек. Но не чувствую между нами разницы.

– Я не о том. То, что я эльф, не имеет значения. Губерт, я боюсь тебя разочаровать, но ты хочешь взять в ученики чудовище, которое не имеет права на существование и живо до сих пор лишь потому, что того требует месть.

– О чем ты говоришь? – в глазах скрипача мелькнуло непонимание, но ни тени страха.

Киммерион глубоко вздохнул, наклонил голову, зажмурился, позволяя темной сущности выбраться наружу.

Когда он вновь поднял взгляд на Губерта, это был уже не взгляд эльфа. Темно-красные глаза без белков с вертикальными зрачками. Дюймовые клыки. Оскал вампира. Взгляд на несколько секунд поймал глаза скрипача и соскользнул на его шею.

Он не *питался* уже три дня. И сейчас почувствовал Голод. Тонкие пальцы изменились, ногти удлинились и стали креп-

че, превращаясь в смертоносное оружие. С истинно вампирской грацией Ким приблизился к Губерту, не в силах отвести взгляд от горла, от тонкой кожи, под которой пульсировала вожделенная синяя жилка. Кровь.

Чудовищным усилием воли эльф заставил себя отпрянуть. Рухнув в кресло, он зажмурился, впиваясь уже обычными пальцами в подлокотники, тихо зарычал, вынуждая клыки вновь втянуться в десны и заглушая Голод мыслью о скрипке.

– Видишь? Я – вампир, чудовище. Я мог убить тебя сейчас всего лишь потому, что голоден. Я опасен, – хрипло проговорил Ким.

– Ты думаешь, что это заставит меня отказаться от тебя? – тихо спросил Губерт.

– А разве нет?

– Нет. Я не считаю тебя чудовищем. И хоть ты можешь отказаться от обучения, я от тебя не откажусь. Решать тебе, Киммерион.

Взгляды встретились. Ярко-зеленые глаза молодого, искалеченного эльфа, в которых плескалась боль и страх, и спокойные темно-карие глаза немолодого скрипача, излучавшие тепло и доверие.

Прошла минута. Киммериону показалось – вечность.

– Я согласен.

Шли дни, недели, месяцы... Губерт был небогат, на жизнь

зарабатывал учительством в одном из Храмов Искусства, но его заработка вполне хватало на пропитание и учителю, и ученику, благо запросы у обоих были крайне невысокие.

Осень заканчивалась. Дни становились короче и холоднее, скрипач и вампир проводили вечера у камина, разговаривая обо всем на свете.

Под влиянием Губерта Киммерион стал спокойнее и уравновешеннее, кроме того – милосерднее. Он больше не убивал ради еды, научившись усилием воли стирать из памяти жертв момент встречи с вампиром, а следы укуса маскировал при помощи редкого и дорогого эликсира, который учитель где-то раздобыл для него.

Осень, пора увядания и смерти, заканчивалась. А с ней заканчивался и очередной, самый короткий период жизни Киммериона.

За осенью последовала мягкая имперская зима, оказавшаяся для непривычного к каким-либо холодам эльфа настоящим кошмаром. За ней пришла весна, песнь пробуждения и возрождения. Впечатлительный Ким плакал от счастья, глядя на таяние снегов – в краткие минуты единения с просыпающимся миром ему казалось, что он снова стал прежним. Весну сменило жаркое лето, выросшие под живым солнцем фрукты, купание в лучах рассвета – недоступное более никому из вампиров наслаждение, серебро россыпи звезд на темно-синем бархате неба...

Все это время он учился. Слушал игру Губерта, снова и

снова запоминая оттенки каждого звука, каждое движение смычка и пальцев на струнах. А потом брал скрипку и повторял. И играл что-нибудь сам. За все время обучения перед эльфом ни разу не появился пюпитр с нотами.

И вновь пришла осень. И вновь была исписана до конца очередная страница в Киммерионовой Книге Судьбы.

Все начиналось с радости. Вечером Губерт, вернувшись из Храма Искусств, позвал Кима прогуляться вместе по саду. Они шли по занесенным листвой дорожкам – совсем как в тот день, когда вампир впервые перешагнул порог дома скрипача. Губерт чему-то задумчиво улыбался, пряча под плащом небольшой сверток.

– Ким, ты помнишь, что произошло год назад? – неожиданно спросил он.

– Естественно. Я никогда не забуду этот день. – Неожиданно для самого эльфа его голос прозвучал хрипло. Необъяснимое волнение охватило его, заставило вздрогнуть до кончиков острых ушей и широко распахнуть огромные миндалевидные глаза. – Ровно год назад, в середине осени, ты предложил мне стать твоим учеником.

– Я научил тебя всему, чему мог. Дальше ты должен совершенствоваться сам. Настала пора вручить то, что принадлежит тебе по праву. – Губерт сорвал плащ со свертка. В его руках оказался обтянутый баснословно дорогой кожей черного василиска футляр с замками из белого металла. Скрипач протянул футляр Киммериону.

Тонкие пальцы эльфа не дрогнули, принимая дар. Ким поставил левую ногу на камень, положил футляр на колено и осторожно открыл замки.

На белоснежном бархате лежала скрипка. Темно-красная, почти черная дека с затейливыми, неклассическими эфами, гладкое лакированное дерево, нетронутое резьбой. Черный гриф, того же цвета ложе, платиновые – как и замки футляра – колки. Строгая красота скрипки завораживала.

Сразу было видно, что это работа не мастера-человека, Впрочем, и не из-под рук серых или лесных эльфов вышел этот инструмент. Ким не взялся бы предположить, чье это творение.

Рядом лежал смычок. Вполне обычный черный смычок, ничем не выдающийся, если бы не одно «но». При его создании использовался не конский волос, как это делалось обычно, а грива грифона. Впрочем, касаться струн *такой* скрипки обычным смычком казалось святотатством.

Киммерион осторожно вынул скрипку из футляра и положил на плечо. Подхватив смычок и занеся его над струнами, он бросил вопросительный взгляд на учителя – Губерт едва заметно кивнул. Старый скрипач был серьезен, но эльф сумел уловить в уголках его глаз оттенок счастливой улыбки.

Над маленьким фонтаном и осенним садом, над Вольным кварталом и Мидиградом, над Империей и всем миром взлетела мелодия души Киммериона. Музыка рвалась к небу, заставляя плакать и смеяться от счастья, кричать в порыве су-

масшедшей радости, тянуться ввысь, не обращая внимания на тех, кто пытался остановить, утащить вниз, остаться таким же, как все, забыть о мечте и стремлении, отрезать крылья и бросить их. Нет, Киммерион летел, летел, и ничто теперь не могло его остановить. Расправив крылья, он рвался вверх. Смычок летал по струнам, длинные пальцы метались по грифу, рождая совершенно безумный мотив.

Где-то очень далеко, за пределами и Мидиграда, и Империи, и мира, и даже этой вселенной, человек с черной гитарой услышал эту мелодию. И запомнил того, кто сумел извлечь ее из собственного сердца.

Глава VII

Князь-герцог

Схватка Нортахела и Мантикоры продолжалась долго. Полуэльф был сильнее и горячее, зато князь превосходил его в скорости и ловкости. Они оба были умелыми воинами, и этот поединок мог продолжаться очень долго.

Талеанис атаковал коварным ударом сбоку, переводя его на ноги. Эльф должен был блокировать, в результате чего оказывался в очень неудобной позиции, и от второй атаки сверху закрыться не успевал. Но Нортахел, понимая невыгодность блокирования этого удара, попросту перепрыгнул через летящий меч и ускорил его движение в невыгодную полуэльфу сторону, рубанув по обратной стороне лезвия.

Тяжелый меч рванулся из рук, но Мантикора сумел удержать его. Вследствие коварного маневра Нортахела он повернулся к эльфу незащищенным боком и тут же за это поплатился. Лезвие легкого эльфийского клинка едва коснулось плеча, а руку пронзила боль. Впрочем, Талеанис привык не обращать внимания на такие мелочи. Но в тот момент, когда он пытался развернуться к противнику и атаковать его, вновь блеснуло изогнутое лезвие. На сей раз у самой шеи.

Мантикора инстинктивно рванулся назад, понимая, что отбить этот удар нельзя, а парировать тяжелым полуторным

мечом быстрый эльфийский клинок бессмысленно – надо только уклоняться. Но оскользнувшись на влажной траве, не удержал равновесия и растянулся на земле.

Нортахел моментально оказался рядом. Он занес клинок для последнего удара и... вдруг с шипением отпрыгнул. Глаза его горели безумием. Полуэльф не стал дожидаться, пока князь объяснит, почему не добил поверженного противника. Он откатился в сторону и вскочил на ноги, перехватывая меч двумя руками.

Мягко качнувшись вправо, эльф нанес три резких удара по ногам – первые два Мантикора блокировал, от третьего увернулся. И, вскинув бастард¹¹ над головой, со всех сил рубанул Нортахела сверху, как бы целясь в голову. Попади его удар в цель, череп князя разлетелся бы, как гнилая тыква, но Талеанис атаковал слишком медленно для верткого эльфа. Нортахел вновь плавно выгнулся в сторону, выставляя меч высоко влево и уводя оружие противника в сторону.

Тяжелое лезвие полуторного меча проскользило по эльфийскому клинку. Князь мог в следующую секунду достать полуэльфа прямым выпадом в горло, но не успел. Рукоять бастарда непостижимым образом провернулась в сильных пальцах Мантикоры, и тяжелый полуторник, неожиданно резко изменив траекторию движения, устремился вверх. Отточенное ненавистью лезвие легко рассекло одежду Норта-

¹¹ Игра слов. Бастард – незаконнорожденный ребенок или же полутораручный меч.

хела, разрубило легкую кожаную броню и, ломая ребра, достигло сердца. Князь умер мгновенно.

Когда Талеанис выдергивал застрявший в костях меч из тела поверженного противника, алые капли эльфийской крови упали на один из белоснежных цветков лилии, растущей на могиле несчастной Инерики.

За два месяца, прошедшие с того дня, как Мантикора распрощался с Растэном, он неоднократно представлял себе этот момент. Ночами перед глазами Талеаниса представляли картины: Нортахел падает со смертельной раной, просит пощады, а иногда – прощения, но он, Талеанис, непоколебим. Он с холодным достоинством смотрит на поверженного эльфа, произносит пафосную фразу – каждый раз другую – и вытирает окровавленный меч о плащ эльфийского князя.

В действительности все было иначе. Ничего сказать не успел ни один, ни другой – Нортахел за миг до гибели был уверен в своей победе, а Мантикора мог распинаться лишь перед трупом. В широко распахнутых глазах эльфа не было ни страха, ни раскаяния, которые так часто виделись Талеанису в сладких грезах о мести. В них отражалась лишь усталость. А когда полуэльф, несколько минут простоявший в оцепенении над телом врага, все же сообразил, что нужно вытереть меч, ему отчего-то и в голову не пришло использовать для этого испачканный в крови княжий плащ. Мантикора привычно обошелся несколькими пучками травы.

Очищенный клинок со стуком упал в ножны. И в этот момент воздух на поляне начал сгущаться.

Из разрубленного тела с шипением поползли щупальца грязно-зеленого тумана. Собравшийся было уходить, Талеанис обернулся – и застыл в оцепенении. Нортахел выгнулся дугой, щупальца уперлись в корни деревьев – труп вздернулся на ноги. Из глотки мертвеца вырвался дикий вопль, полуэльф рухнул на траву, зажимая уши руками. Мертвый князь жутко захохотал, раскинув руки, его глаза – глаза еще Нортахела – на миг поймали взгляд Мантикоры. Талеанису стало страшно, как не было никогда в жизни. На мертвом лице были живые глаза, полные муки и ужаса.

Спустя мгновение глаза изменились. Они стали меньше, исчезли белки, радужка расширилась и изменила цвет с орехового на болотно-зеленый. На секунду любое выражение из них исчезло, а потом... Мертвец начал изменяться сам и изменять все вокруг. Кожа превратилась в серо-коричневую чешую, отливающую гниlostной прозеленью. Он раздался вширь, изящные эльфийские кисти превратились в когтистые лапы с толстыми пальцами, одежда князя разлетелась в клочья, не в состоянии вместить появляющееся чудовище.

Небольшие вихри поползли по поляне, меняя все. Нежная зелень обратилась в бурую пожухлую траву, из земли полезли камни, деревья скрючились, умирая. Существо, становившееся собой, убивало вокруг все живое, обращая цветущую эльфийскую рощу в ад.

Все заволочло грязным туманом, замелькали небольшие ядовито-зеленые молнии, освещая фигуру в центре. За ее спиной из земли появился огромный трон, как показалось Талеанису, украшенный изображениями голов людей, орков, эльфов, дворфов и еще непонятно кого. Но, присмотревшись, Мантикора с ужасом понял – трон не был украшен изображениями, он был сделан из настоящих, *живых* голов.

Существо запрокинуло голову и расхохоталось. Жуткий, нечеловеческий смех, казалось, вывернул наизнанку реальность, он был наполнен всепоглощающей ненавистью ко всему живому и сулил этому миру страшную судьбу. Если бы полуэльф к тому моменту поднялся на ноги, то вновь рухнул бы на землю, а сейчас он лишь покатился по недавней траве, зажимая чуть заостренные уши ладонями.

– Свобода! Наконец-то свобода! Десять тысяч лет в заточении, и наконец – свобода! Я отомщу, теперь-то я могу отомстить, и я отомщу! Свобода!!!

Туман рассеялся. Талеанис смог рассмотреть то, во что превратился князь Нортахел. Высокое, неестественно мускулистое тело покрывала коричневая с прозеленью чешуя, ноги и руки – лапы? – оканчивались кривыми когтями, на уродливой лысой голове торчали длинные уши, лицо с гротескными чертами покрывала более мелкая чешуя, из-под выступающих надбровных дуг, лишенных волос, торжествующе и злобно смотрели маленькие болотные глазки.

Единственным, что не изуродовала страшная магия твари,

оказался куст лилий, цветущих на могиле Инерики.

Тварь медленно повернула голову. Злой взгляд пробежался по поляне и остановился на Мантикоре, который в тот момент уже поднялся на ноги, а теперь пытался не упасть, держась за ствол мертвого дерева.

– Смертный? Это ты освободил меня. – Тварь не спрашивала, она утверждала.

Талеанис неуверенно кивнул.

– И что же ты от меня хочешь? Я тебе, ха-ха-ха, очень обязан! До сих пор никто не мог похвастаться тем, что у него в долгу сам князь Аббисса и герцог Ада Левиафан! – расхохотался князь и герцог.

На этот раз Мантикора смог удержаться на ногах. До него потихоньку начало доходить, что он натворил.

– Как тебя зовут?

– Талеанис Нортахеле по прозвищу Мантикора, – выдавил из себя полуэльф. И даже сам не заметил, как присовокупил к имени в качестве фамилии имя погибшего эльфа.

– Так ты его сын? Бастард, что ли? Тем лучше, тем лучше, – осклабился Левиафан. – Я мог бы тебя убить – очень уж не люблю оставлять в живых тех, кому чем-то обязан. Но так и быть, для тебя сделаю исключение. Я вижу, ты гредишь о мести?

Талеанис кивнул и впервые в жизни легко проглотил «бастарда». Впрочем, его порадовало, что собеседник употребил максимально вежливую форму обращения к незаконно-

рожденному, а не назвал его ублюдком.

– Я помогу тебе отомстить. Но сперва... – Левиафан хлопнул в ладоши, выкрикнув короткую фразу на грубом, горланном языке. Вокруг завертелось с десятков маленьких вихрей, из которых посыпались небольшие уродливые существа. Они мгновенно попадали на колени перед князем-герцогом, он жестом приказал им подняться. Бесы – а это были именно бесы – тут же облачили Левиафана в странные одежды, а на рогатую голову водрузили тяжелую корону необычной формы. Князь-герцог подошел к своему жуткому трону, сел на него, положив когтистые лапы на головы – эльфы и орчанки, венчавшие подлокотники. Девушки тут же высунули языки и начали облизывать пальцы демона.

Талеаниса затошнило.

Левиафан поднял лапу, жестом поманил к себе полуэльфа. Едва волоча заплетающиеся ноги, Мантикора приблизился.

– Ты принесешь мне клятву верности. Это простая формальность, но, увы, без нее я не стану тебе помогать. Нет, не надейся, отказаться от моей помощи ты не можешь – это будет означать для тебя смерть. И не только для тебя, но и для твоего учителя. Выбирай – ваша смерть или клятва, ничего по сути не означающая, и твоя месть проклятым остроухим.

– Я принесу клятву. – Язык едва ворочался. Подсознание Талеаниса всей душой протестовало против клятвы демону, он понимал, что Растэн предпочтет скорее умереть, чем

узнать, что ученик отдал душу демону, но... Сознание полуэльфа было подавлено диким ужасом. Кто-то из бесов сунул ему чашу с мутной бордовой жидкостью, он залпом выпил.

– Встань на колени.

Мантикора послушно опустился перед троном на колени. Левиафан встал, сошел по ступеням к подножию и положил лапу на голову юноши.

– Повторяй за мной, – пропищало откуда-то сбоку. Скопив глаза, Талеанис увидел маленького беса. – Я, Талеанис Нортахеле по прозвищу Мантикора, до скончания веков отдаю душу...

– ...князю Аббисса и герцогу Ада Левиафану.

– До конца своей жизни...

– ...я буду ему служить, и после смерти душа моя будет принадлежать ему. Я клянусь в этом жизнью и душой своей, я клянусь в этом честью и кровью своей, и да будет так. Я клянусь!

– Я, Левиафан, принимаю твою клятву, душу и жизнь, Талеанис Нортахеле, и обещаю по заслугам вознаградить тебя за верность и преданность. Встань!

Мантикора поднялся. В голове шумело от нахлынувшей легкости.

Демон вскинул лапу. С острых когтей сорвалась стайка ядовито-зеленых молний и ударила полуэльфа в грудь. Талеанис закричал от боли, на мгновение охватившей все тело. И тут же с удивлением обнаружил, что она отступила. Лишь

по-прежнему ныло плечо, в которое пришелся удар Нортахела.

Левиафан развернулся, взошел на трон, сел, хлопнув по лицу начавшую было лизать его пальцы орчанку.

– Иди в поселение эльфов. Ты можешь убить их так, как захочешь, но ни один из них не сможет причинить тебе вред. Отомсти за себя. Мои рабы пойдут с тобой, они заберут детей и девушек, остальные – твои. Убей их! Это твоя месть и мой приказ.

Необъяснимая ярость и ненависть нахлынула на полуэльфа. Он внезапно почувствовал в себе желание убивать, обливаясь кровью жертв, убивать жестоко и безжалостно. Расстроило то, что нельзя будет насладиться криками боли умирающих остроухих маленьких отродий, но что поделать – слово повелителя есть закон.

Манतिकора вошел в эльфийское поселение как воплощенный кошмар. Он мгновенно снес головы часовым, чьи стрелы отлетели от него, как от камня. Кто-то в ужасе закричал, замелькали факелы, полетели стрелы. Но они не могли причинить вреда обезумевшему полуэльфу. Он шел через деревню, убивая всех, кого не схватили бесы. Часть рабов Левиафана окружила поселение, не давая сбежать остроухим, которые поняли, что победы в этом страшном побоище не будет, да и пощады просить бессмысленно.

Молодая эльфочка рухнула перед Талеанисом на колени, рыдая и прося пощадить ее и маленькую сестренку, кото-

рую девушка прижимала к себе. Мантикора вопросительно взглянул на появившегося рядом беса, помня о том, что демон приказывал оставить девушек и детей. Бес выхватил из рук эльфы ребенка, а ее отпихнул.

– Она – не девственница, она не нужна.

Схватив эльфочку левой рукой за волосы, полуэльф рывком вздернул ее на ноги и ударил по голове рукоятью меча, оглушая.

Все закончилось. В деревне не осталось живых, кроме тех эльфов, которых уже не спасли бы и самые искусные лекари. Умиравшие лежали вперемешку с трупами, некоторые стояли, иные молчали – кто уже не мог, а кто не желал доставить врагу такой радости. Впрочем, Талеанису было уже все равно. Он взвалил пленную эльфю на плечо и пошел обратно к трону Левиафана. В душе царило странное опустошение.

– Ты хорошо справился, Талеанис, – поприветствовал его князь-герцог. – Но зачем тебе эта тварь? – указал он на бессознательное тело эльфы.

Мантикора в ответ осклабился.

– У тебя до сих пор не было женщины, – понимающе улыбнулся демон. – Но зачем тебе эта эльфья подстилка? Посмотри налево.

Полуэльф обернулся. На поляне уже выросли каменные алтари, к которым бесы деловито привязывали пять отобранных девушек, еще десятка полтора ожидали своей участи чуть поодаль.

– Выбери из них любую. Она – твоя.

Медленно идя вдоль алтарей, Талеанис чувствовал, что странная ненависть и ярость медленно проходят. Он начал понимать, что натворил. Но тут же рядом появился бес с чашей. Полуэльф залпом выпил багровую жидкость, заставив себя не думать о том, что это.

Эльфочки все были одна красивее другой. Золотые, каштановые, черные волосы, карие и зеленые глаза, изящные фигурки... Глаза разбегались, Мантикора ощутил нарастающее возбуждение. Наконец его взгляд остановился на одной.

Стройная, черноволосая, безумно красивая, она одна смотрела без страха и мольбы. В ярко-зеленых глазах светилась ярость и желание отомстить.

– Эта, – он указал на черноволосую.

Бесы тут же отвязали девушку, грубо выкрутив ей руки, но эльфа даже не вскрикнула. Когда Талеанис подошел к ней, она плюнула ему в лицо.

Схватив эльфу за волосы, он по знаку Левиафана швырнул ее на центральный алтарь. Щелкнули оковы, растягивая руки черноволосой, Мантикора схватил ее за щиколотки, кто-то из бесов услужливо сорвал с нее одежду.

Эльфа глухо вскрикнула в миг проникновения, но более не издала ни звука за те минуты, что полуэльф ее насиловал.

Едва он оторвался от девушки, как в ладони оказалась очередная чаша. Осушив ее, Мантикора вопросительно посмотрел на Левиафана.

И в глазах демона прочел приговор ей.

В ладони оказался нож. Оковы уже распяли эльфу на алтаре так, что она не могла пошевелиться. Талеанис вытянул вперед руку с ножом и начал повторять за маленьким подсказывающим бесом слова ритуала.

Изогнутый зазубренный клинок взлетел над грудью девушки. Полуэльф на миг замер, как того требовали подсказанные бесом правила. И внезапно в повисшей над поляной тишине хрипло прозвучал ее голос. Этот голос, в котором звенел лед, повергнул всех, включая Левиафана, в оцепенение.

– Рождением, жизнью, болью и смертью проклиная тебя. – Зеленые глаза устремились на Талеаниса. – Твои руки по локоть в крови эльфов, ты – наше проклятие, мы станем проклятием тебе. Именем богини, именем Мерцающей Звезды, именем Дианари я проклиная тебя, и она моими устами и голосом моим проклинаяет тебя.

Зеленоватая дымка, окутывавшая алтарь, брызнула в стороны от ударившей сверху серебряной молнии. На секунду все увидели, как распадаются оковы и высокая эльфийская женщина, окруженная сиянием венца из звезд на высоком челе, обнимает черноволосую. Миг – и они исчезли.

Левиафан вскочил. Его маленькие глазки горели ненавистью и бешенством.

– Одноухая тварь! – взревел он. – Проклятье на весь твой род, Дианари! – Он с рычанием рухнул обратно на трон. –

Возьмите другую.

Бесы шустро схватили одну из эльфочек, распяли ее на алтаре, Мантикора вновь произнес слова и погрузил ритуальный нож в грудь несчастной. Та закричала что-то нечленораздельное, из груди хлынул поток крови, алая жидкость заструилась по канавкам алтаря, в то же мгновение пятеро бесов рангом повыше вонзили свои ножи, раскрывая сердца пяти других девушек. По желобам текла кровь, над поляной стоял крик, в воздухе пахло смертью. На алтаре перед Талеанисом оказалась светлокожая и светловолосая эльфа, еще почти ребенок – она даже не кричала, страх парализовал голосовые связки. Третью жертву полуэльф не запомнил.

Кровь всех восемнадцати жертв стекла в огромную чашу, которую Мантикоре отчего-то хотелось назвать лоханью. Бес подал поднявшемуся на лапы Левиафану кубок, демон спустился по ступеням к чаше. Бес, как заправский виночерпий, наполнил кубок своего повелителя горячей, дымящейся в холодном ночном воздухе кровью. Князь-герцог поднес чашу к губам. Бесы закричали слова на непонятном Талеанису языке, мелкий переводчик подсказывал полуэльфу их значение. Бесы славили возрождение князя Аббисса и герцога Ада, Великого демона Левиафана.

Демон допил кровь из кубка, отшвырнул его, расстегнул застежку плаща – слуги тут же помогли ему разоблачиться. Он простер лапу над лоханью – появились ступени. Левиафан спустился в чашу, которую теперь уместнее было бы

именовать бассейном, кровь скрыла его по плечи. Мантикора на мгновение удивился – откуда столько крови, если зарезали всего восемнадцать девушек?.. Их мертвые тела были свалены в кучу поодаль.

Демон с головой погрузился в кровь.

Бесы на поляне замерли в ожидании.

Кровь в огромной чаше забурлила, от нее пошел дым и пар, она словно бы испарялась на кипящей поверхности. Уровень крови в чаше постепенно снижался, и вот показался Левиафан.

Теперь Талеанис мог зреть его во всей красе. Лысую голову увенчали изогнутые рога, над глазами появились шипастые костяные наросты, по спине между огромными кожистыми крыльями щетинился такой же гребень, переходящий на массивный хвост, которого также раньше не было.

Он уже не вызывал у полуэльфа омерзения. Теперь демона при желании можно было даже назвать красивым. Ужасным, устрашающим, но красивым.

Поляну осветила вспышка портала, появились трое. Двое высокие, отдаленно похожие на людей, с черной гладкой чешуей и огромными желтыми светящимися глазами тащили девушку-человека в головном платке-бандане и одежде воина, со связанными за спиной руками. Девушка отбивалась, но черные, судя по бесплодности ее попыток освободиться, обладали огромной физической силой.

– Повелитель, мы нашли грязную кровь! – воскликнул

один из черных.

Левиафан внимательно посмотрел на них, потом на пленницу. Оскалился.

– То, что нужно.

Повинуясь знаку демона, черные мгновенно сорвали с девушки всю одежду и бандану. Теперь Талеанис ее разглядел. Каштановые волосы с красноватым в пламени костров отливом, глаза цвета спелой вишни, узоры из чешуи на бедрах, груди и спине. Небольшие рожки, длинный тонкий хвост, оканчивающийся чем-то вроде стрелочки. Дикая красота девушки повергла Мантикору в ступор. Он никогда не видел подобных существ.

– Тифлинга, потомок связи демона и человеческой женщины, – шепнул стоящий рядом бес-переводчик. – Грязная кровь.

Полуэльф стиснул зубы – у него имелось свое мнение насчет «грязной крови», но в данной ситуации озвучивать это мнение было по меньшей мере глупо.

Черные подтащили тифлингу к Левиафану. Демон схватил девушку когтистой лапой за горло и швырнул на алтарь. Он не стал приковывать ее. Просто навалился сверху, рывком раздвинул стройные длинные ножки и...

Никогда, ни до, ни после, Талеанис не слышал такого женского вопля.

Впоследствии он так и не смог вспомнить, что именно делал Левиафан с тифлингой, но навсегда в память врезались

боль и ужас несчастной, и его собственное омерзение.

Полуэльфу стало дурно. Бес сунул ему очередную чашу, но на сей раз Талеанис отказался от дурманящего пойла.

Левиафан зарычал в предвкушении...

В кульминационный момент демон закричал, взмахнул кулаком, не замечая, что этим движением обрывает тифлинге хвост, когти рванули правую грудь, левой лапой разорвал ей живот и погрузил в него когти. Она уже не кричала, когда когти Левиафана добрались до ее сердца и рывком извлекли из груди.

Демон поднес горячее, трепещущее сердце к губам.

Мантикора держался из последних сил, понимая, что если его сейчас вырвет, то жуткой гибели не избежать.

Все закончилось. Талеанис прислонился к дереву, его колени дрожали.

Бесы помогали Левиафану вновь облачиться. Растерзанная тифлинга лежала на алтаре.

Внезапно воздух задрожал. Поляна начала изменяться. Исчезли алтари, камни, купель и трон, ожили и распрямились деревья, пожухлая красная трава зазеленела и поднялась, красная потрескавшаяся земля увлажнилась и почернела. Растворилась зеленоватая дымка, с воплями обратились в кучки праха, тут же разнесенного налетевшим ветерком, бесы. Кроме полуэльфа на поляне остался лишь демон.

Ночное небо засеребрилось. На поляне словно бы из света звезд соткалась фигура. Талеанис уже знал ее.

Довольно высока, очень хорошо сложена, хотя для эльфы несколько крупновата. Длинные черные волосы спадают до бедер, одежда простая и удобная, кожаную куртку покрывают нашитые металлические кольца. На перевязи висит длинный меч в потертых ножнах, голову охватывает венец из звезд. На красивом лице – тонкий шрам, начинающийся над левой бровью, изгибающийся через висок по скуле и оканчивающийся на подбородке. Меняющие цвет темные глаза абсолютно спокойны, в них читается уверенность в себе, некая толика усталости и тоски и лютая ненависть. Ненависть к стоящему перед богиней существу.

– Вот мы и встретились, Левиафан.

Глава VIII

Осознание Танаа

Близился рассвет. Арна шла по дороге, полной грудью вдыхая предутренний воздух и наслаждаясь легким, едва заметным ветерком, еще несущим в себе освежающую прохладу ночи. В сезон жары она предпочитала идти ночью, а днем спать где-нибудь в тени деревьев или на берегу реки.

Медленно начинал наливаться бледно-розовым горизонт. Не в состоянии видеть, девушка тем не менее остро чувствовала подобную невыразимую красоту. Она остановилась на несколько секунд, впитывая ощущение пробуждения нового дня.

Начинался сороковой день пути Арны. Она приближалась к границам Париаса и Империи.

Девушка уже задумалась, где искать пристанище на день, как вдруг почувствовала впереди присутствие людей. Через полчаса она вышла к таверне.

Небольшое двухэтажное здание, пристройка, конюшня... обычная придорожная таверна, вокруг которой раскинулась деревенька домов на двадцать. Арна во многих таких побывала в своих странствиях. Привычно опустив на глаза повязку и достав из-за спины посох, она поднялась по ступеням крыльца и вошла.

В небольшом зале пахло кегетовой¹² кашей и мясом. Несколько человек – Танаа легко считала их ауры – спешно завтракали, торопясь в дорогу. Хмурый пожилой трактирщик-париасец за стойкой наливал эль в толстую деревянную кружку. Девушка-служанка протирала столы.

Приблизившись к стойке, Арна попросила миску каши и стакан молока, да еще комнату на день. Париасец, окинув ее раздраженным взглядом, ответил:

– Два агина.

Цена была, мягко говоря, неоправданно завышенной. Да и не было у Арны таких денег.

– Я – бродячий менестрель, – светло улыбнулась она трактирщику. – Если желаете, я сыграю в вашей таверне вечером...

Такая ситуация повторялась не раз и не два. И она знала, чем все закончится.

Глаза париасца заблестели. Менестрель – значит, посетители, как бы не устали они с дороги, задержатся в зале послушать. Они будут сидеть и слушать, то есть будут заказывать выпивку. Однако он был бы плохим трактирщиком, если бы просто согласился.

– Я не плачу всяким бродягам за то, что они потренькают на лютне в моей таверне, – грубо сказал он.

– Я и не прошу платы, – вновь улыбнулась Танаа, – и го-

¹² Кегет – очень распространенный на северо-западе Париаса и соответственно юго-востоке Мидиграда злак. Из него делают каши и пекут своеобразный хлеб.

това играть здесь вечером за миску каши, стакан молока и место в общей комнате...

Спустя пять минут перед ней уже стояла порция кегета и стакан. Поев, Арна пошла спать.

Вечером небольшой зал таверны был полон. Хозяин постарался, чтобы все его постояльцы узнали, что перед закатом будет играть менестрель, и потому, когда Арна спустилась, свободным оставался лишь стол по центру, специально оставленный для нее. Улыбнувшись и поздоровавшись, девушка выпила стакан подогретого молока, который не пожалел для нее трактирщик, и расчихлила лютню. Тонкие, но сильные пальцы коснулись струн, и чистый голос взлетел к небу, темнеющему за окном.

Мы умели летать к звездам,
Мы держали в руках пламя...
Но остыли в глазах слезы
И развеялась сном память.
В пропасть мчатся века-кони.
Что же будет теперь с нами?
Тот, кто смотрит назад, — помнит,
Тот, кто смотрит вперед, — знает.

Распинать на кресте Веру
И Свободу швырять в пламя —

Не положено нам ведать,
Что слепыми творим руками.
Чья вина, что клинки боли
Распороли Любви знамя?
Тот, кто смотрит назад, – помнит,
Тот, кто смотрит вперед, – знает.

Затихли разговоры и перешептывания, смолкли даже говорливые внучки трактирщика – местные служаночки... Молча слушали невозможную, тянущую к небу и очищающую душу мелодию, и с удивлением вслушивались в слова – неужели все и в самом деле так? Никто из них никогда не задумывался, что есть что-то поважнее поля и домашнего быта, интереснее, чем обсуждение чужой семейной ссоры и гадания на урожай, серьезнее, чем болезнь скотины и подгнивающая из-за чрезмерно обильного дождя недозрелая пшеница... А эта слепая девочка пела им, простым крестьянам и наемникам, воинам и торговцам, земледельцам и ворам, пела о Сути, и они пытались ее понять... И многие вспоминали, что ведь когда-то, еще детьми, они умели летать к звездам и держать в руках пламя, но, повзрослев, разучились – и звезды их погасли за ненужностью, а огонь затих под порывами жестокого ветра жизни...

Кто обуглен в лучах славы,
Кто прошел все круги Ада,
Никогда не сравнит слабых

С равнодушным тупым стадом.
Сделать душу ручным зверем —
Это вряд ли когда выйдет.
Тот, кто смотрит назад, — верит,
Тот, кто смотрит вперед, — видит.

Если разум виной скован,
Если ладан сердца сушит,
Кто разбудит набат Слова,
Кто раскроет слепым души,
В Храме Истины став стражем,
Кто осилит дуэль с ложью?
Тот, кто смотрит назад, — скажет,
Тот, кто смотрит вперед, — сможет.¹³

О многом еще пела Арна в тот вечер, и люди слушали ее. Слушали — и пытались понять. А когда смолкла музыка, и Танаа убрала лютню в чехол, на стол, за которым она сидела, полетели монеты. Золотые агины, серебряные секеры и медные кини. Люди подходили, кланялись и молча, лишь взглядом благодарили слепую девушку, которая пусть на мгновение, но вернула их в святой и благословенный мир крылатой мечты.

Около полуночи Арна, поужинав и собрав вещи, вышла

¹³ Автор текста — Мартиэль.

из таверны. Улицы деревни давно опустели, дверь трактирщик запер за девушкой. С неба светила полная, похожая на серебряное блюдо, луна и россыпи бриллиантовых звезд, а ночной ветер нес ароматы дальних странствий... Танаа глубоко вдохнула этот ветер, каждого странника зовущий вдаль, за грань, и замерла, кожей впитывая сияние луны...

Прекрасна была эта ночь. Слишком, наверное, прекрасна... Арна запрокинула голову, обратила лицо к небу, полностью сливаясь сутью своей с мерцанием звезд и песнью ветра, – и не заметила приближающиеся к ней со спины тени.

Первый удар пришелся по затылку. Тяжелая палица бесшумно вспорола воздух и швырнула девушку на землю. На миг у Танаа потемнело в глазах, она ободрала щеку, коснувшись твердой, вытоптанной почвы, но уроки в монастыре Дан-ри не прошли даром. Сгруппировавшись в падении, она перекатилась через голову и вскочила на ноги, выдергивая из петель за спиной посох и перехватывая его двумя руками для ответной атаки...

И рухнула на землю, выпуская оружие и сжимая ладонями виски. Арну скрутил приступ жестокой боли, разрывающей ее на части...

Ее окружало нечто мерзкое до такой степени, что хотелось немедленно умереть, провалиться сквозь землю, вспыхнуть и сгореть – лишь бы не чувствовать ЭТО... Где-то в глубине сознания четко ощущалось неизвестно откуда взявшееся понимание – это всего лишь мысли и чувства тех, кто решил

поживиться богатой выручкой девушки-менестреля, но Танаа не могла принять и понять, что разумные бывают и таковыми... Она не чувствовала сыпавшихся на нее ударов – твари в человеческом облике избивали жертву ногами – и не ощущала боли в сломанных ребрах. Всю физическую боль заглушала боль душевная – Арна не могла принять и поверить, что по земле ходит подобная мразь.

– Кошель бери, кретин!

– Чтоб ее, где она его сныкала?

– Я знаю? Ищи, отродье Ярлигово!

– Слышь, робяты, а мож, эта, ее того?

– Ковыль дело треплет, девка красивая...

Слова долетали как сквозь плотную завесу... Девушка даже не понимала, что с ней собираются сделать.

Кто-то потянулся к завязке штанов, другой нелюдь рванул рубашку, обнажая маленькую девичью грудь... И тут на сознание Арны опустилась кровавая пелена.

Рывок, поворот на земле, захват ногами и резкое движение – ублюдок, первым предложивший изнасиловать девушку и первым же пытавшийся стянуть с нее штаны, упал на землю со сломанной шеей. Плавным движением Танаа перетекла в нижнюю стойку из положения «лежа», ударила ребром ладони – наугад, ориентируясь на хриплое от вожделения дыхание, – и вбила кадык еще одного ублюдка в позвоночник. Прыгнула назад, приняла на скрещенные руки удар палицы, сильно толкнула оружие на его владельца, метя в

солнечное сплетение, – тот рухнул, задыхаясь и хрипя. Обернулась к последнему – он уже пытался развернуться и бежать – и вновь прыгнула, сбивая его с ног, ударила растопыренной пятерней в лицо, ослепляя...

Арна очнулась спустя полчаса. Она бежала по дороге – нет, не бежала – неслась, словно бы сам Ярлиг мчался за ней по пятам. Руки девушки были в крови, да что там руки – вся она была перемазана чужой и своей кровью. Перед глазами стояла жуткая картина – пять человеческих тел, изломанных и искалеченных, были брошены прямо на дороге...

Она рухнула на колени. Девушку била дрожь, и в сознании неумолимо билась одна-единственная мысль: «Я убила человека. Лишила жизни, не мною данной, разумного...»

Она вновь пришла в себя где-то в лесу, когда ночь близилась к завершению. Различив невдалеке журчание речушки, Арна добрела до нее и буквально рухнула в холодную воду, остервенело отмывая кровь и грязь.

Выбравшись из ручья, она кое-как перебинтовала переломанные ребра и молча растянулась на траве. Девушка лежала, невидяще глядя в рассветное небо. Мыслей не было. Вообще. Мир рухнул, разлетелся вдребезги и остался россыпью осколков рядом с пятью трупами на дороге...

Стоп. С пятью трупами? Арна четко помнила первого, которому сломала шею, второго, с разбитой гортанью, третьего – ему Танаа резким ударом основания ладони вбила нос в мозг, и четвертого, сломавшего спину при падении. На грани

восприятия она помнила и пятого – светловолосого имперца с холодными серыми глазами. Он стоял в стороне, с надменной ухмылкой человека, привыкшего к тому, что ему повинуются, наблюдавшего за избиением. И помнила его, лежащего на спине, с широко открытыми глазами, в которых застыло безмерное удивление.

– Но я же его не убивала... – тихо простонала девушка. Вспышка. Боль. Воспоминание.

– Неплохо, девчонка. Это было интересно, – бросил он, переступая через труп одного из своих приятелей. – Это все, на что ты способна?

Не помня себя от ярости и ненависти, снедающих изнутри, Арна прыгнула на него, в полете нанося серию смертоносных ударов. К ее величайшему удивлению, от половины атак светловолосый увернулся, остальные заблокировал. Та-наа отлетела к краю дороги, упав, перекатилась и вновь вскочила на ноги. Противник ее стоял как ни в чем не бывало, скрестив руки на груди.

– Совсем неплохо...

Она вновь кинулась. На сей раз он не был столь сдержан – Арне потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя после удара о землю.

– Неплохо – но и только... Скучно.

Он сказал это каким-то мертвым тоном, без тени эмоций. И шагнул вперед.

Казалось, светловолосый просто прошел мимо. Но неведомая сила рванула поднимающуюся на ноги Танаа и швырнула на придорожные камни. Девушка ударилась головой о камни – и потеряла сознание.

Вздрогнув, Арна провела рукой по лицу. Это казалось фантазмагорическим бредом. Она отчетливо помнила цвет волос и глаз имперца, выражение его лица, отчетливо осознавала внешность каждого из убитых – при том, что не могла видеть их. Но воспоминания настойчиво лезли в голову.

Она уже не видела своего убийцу – ощущался он именно как убийца. Не видела, но чувствовала, как он с какой-то омерзительной жалостью заносит руку для последнего удара. Меркли звезды, небо становилось грязно-серым... А в сознании пылало багряное пламя. Неосознанно, интуитивно Арна потянулась к нему, зачерпнула мысленно ладонью пригоршню огня – и швырнула в светловолосого. И успела почувствовать его безграничное удивление за миг до того, как оборвались последние нити, связывавшие имперца с живым миром.

Он упал, удивленно и мертво глядя в лицо звездам. И Арна, подхватив посох и лютню, бросилась бежать.

Прислонившись спиной к дереву, она сидела, обхватив колени руками. Не понимая, что происходит, Арна тем не ме-

нее, пыталась хотя бы осознать. Раз за разом она вспоминала все подробности боя, все свои ощущения, анализируя каждое мгновение. И споткнулась на переходном моменте между атакой нелюдей и своим безумием...

Когда чьи-то потные, грязные руки коснулись ее тела, Танаа словно сошла с ума. Она почувствовала презрение, возмездие, жажду наживы и абсолютное отсутствие хоть какого-то осмысления происходящего. Словно бы осознанно творила мерзость и считала, что так оно и должно быть...

Арна вздрогнула. Она готова была поклясться, что не чувствовала ничего подобного, но в то же время ощущения из памяти читались, как, казалось бы, свои...

Вскочив, девушка подхватила мешок и лютню и бросилась бежать. Она не разбирала дороги – интуиция и гипертрофированное чутье вели ее вперед. Нет, Танаа бежала не к цели – наоборот, она бежала дальше, дальше, прочь от осознания, ибо слишком страшным было то, что она обрела.

Только к вечеру Арна нашла в себе силы успокоиться. Она шла по лесной тропинке, задумчиво проворачивая в пальцах посох, и пыталась подобрать название тому, чем была одержима.

Солнце склонялось к закату. Причудливо расцвеченное закатом небо медленно темнело.

Она устала за день. Отдохнуть так и не удалось, и сейчас Арна искала место, где можно было бы спокойно переночевать, благо жара спала и можно было идти и днем.

Удовлетворение. Радость. Сочувствие.

Эти эмоции безо всякой на то причины стегнули по нервам. Вздогнув, Танаа остановилась. Она очень ясно понимала, что это не ее чувства. Что-то неведомое, необъяснимое звало ее вперед, и это «что-то» не несло в себе угрозы.

Арна помедлила лишь мгновение, прежде чем шагнуть вперед.

Нечто звало ее, тянуло к себе со страшной силой, и девушка побежала. Она бежала все быстрее и быстрее, понимая, что ей жизненно необходимо успеть...

Безумный бег через лес, наперегонки со временем... и Арна пока выигрывала эту гонку.

Она замерла на вершине холма. Внизу расстилалась небольшая долина, в центре которой возвышался некогда величественный и прекрасный храм, ныне превращенный временем в руины.

Медленно спустившись по склону, Арна приблизилась к серым гранитным стенам. Зов усиливался, он шел словно бы от сердца развалин храма... И Танаа безбоязненно шагнула в темный провал арки.

Она оказалась в просторном дворе, залитом лунным светом. Несколько прямоугольных каменных колонн, частью рухнувших, отражали лунные блики, пляшущие на гранитных плитах, которыми был выложен двор. Со двора сам храм выглядел менее разрушенным, чем казался снаружи. Прямо перед Арной, за рухнувшим на плиты канделябром с чело-

века высотой, виднелись полуоткрытые створки огромных дверей. В щель между ними пробивались лучи мягкого света, золотистого, не похожего ни на сияние луны, ни на яркое свечение солнца...

С трудом сдерживая внутреннюю дрожь, Танаа приблизилась к дверям. За ними находился большой зал, стены его тонули в полумраке, а в самом центре ровно горело золотое пламя, явно неестественного происхождения, но Арна почему-то не чувствовала ни малейшего колебания магии. У этого странного костра сидел человек.

Сидел, задумчиво смотрел в золотистое пламя и улыбался чему-то.

Девушка застыла. От этого человека исходила безграничная, невозможная Сила, непредставимая совершенно Сила, и эта Сила не ощущалась враждебной или нейтральной, наоборот, она была теплой и родной.

– Здравствуй, моя хорошая. Я тебя ждал...

– Приветствую... – тихо отозвалась Танаа.

– Не бойся. Подойди к огню, тебе стоит отдохнуть после долгого пути.

Арна медленно приблизилась и опустилась на каменный пол рядом с импровизированным очагом. Человек перевел взгляд на нее и вновь улыбнулся – светло и открыто.

– Сними повязку. Сейчас она тебе ни к чему.

Все так же медленно девушка стянула с лица черную ленту и открыла глаза. Она уже знала, что *увидит*.

Ему было на вид около тридцати – тридцати пяти лет. В длинных каштановых волосах, стянутых в хвост, посверкивала местами седина. Чуть раскосые серые глаза светились живым умом и каким-то необъяснимым теплом. Его сложно было назвать красавцем, но внутреннее обаяние создавало вокруг почти видимую ауру притягательности.

– Кто вы? – осмелилась она спросить.

– Называй меня просто Раадан. Выпей, – он протянул Арне небольшую серебряную фляжку. Девушка покорно глотнула.

Горло обожгло живым огнем. Пламя молниеносно пронеслось по венам, наполняя кровь горячими искрами, в голове на миг зашумело – и все мысли внезапно успокоились. Переломанные ребра перестали противно ныть, Арна почувствовала себя полностью здоровой и отдохнувшей.

– Спасибо...

– Не за что. Ты ведь хочешь узнать, что с тобой произошло?

– Очень!

– Уверена? – Раадан прищурился, глядя прямо в глаза Таана. – Ты все еще можешь отказаться от страшной и нелегкой судьбы, вернуться в долину и прожить спокойную жизнь.

– Уверена! Раз уж я могу хоть в чем-то помочь этому миру, то я это сделаю! – Арна вскинула голову, глаза ее блеснули.

– Ох, котенок ты маленький, знала бы, что выбираешь...

Впрочем, у тебя еще будет шанс отказаться. А пока – слушай.

Когда-то давно в этот мир, разрываемый на части войнами и междоусобицами, то падающий во Тьму, то поднимающийся к Свету, пришли несколько человек извне. Они принесли с собой великую силу, достаточную для того, чтобы прекратить войны, восстановить порядок, вернуть почти утраченную магию, уничтожить порожденных энергией разрушения и боли тварей... и они это сделали. История не сохранила в памяти разумных ни их имен, ни даже факта существования – лишь Орден Танаа еще помнит, что они были. Но даже в летописях Ордена нет их имен.

Впрочем, не в именах дело. Они спасли тогда этот мир. Но прекрасно понимали, что когда они уйдут, все быстро вернется к хаосу, войнам, разрушениям и убийствам. Оставаться же здесь навечно Хранителями они не могли. И тогда одному из них пришла в голову мысль: а почему бы не создать здесь Орден тех, кто будет следить, чтобы разумные, населяющие этот мир, не уничтожили его сами?

Сказано – сделано. Так появился Орден Танаа. Те пятеро оставили Танаа знания, умения, Силу и Понимание – и Дар. Страшный Дар Искоренителя.

Ты знаешь, что это такое. Раанист наверняка рассказал тебе перед твоим уходом из долины.

– Да.

– Не все Танаа, живущие сейчас, являются членами Ордена. Многие еще в незапамятные времена избрали путь оди-

ночества и только своих детей – родных или приемных – воспитывали так же. И далеко не все Искоренители были выходцами из долины Дан-ри. Но один Искоренитель был всегда. Если он погибал – его место тут же занимал другой.

Результаты трудов Искоренителя практически незаметны. Он ходит по миру, и уничтожает тех, кто этому миру опасен. Увы, это далеко не всегда мразь и нелюдь – случается так, что и хороший со всех сторон человек несет в себе серьезную угрозу самому существованию мира. Но хоть работа Искоренителей и далека от подвигов и свершений, именно за счет их трудов до сих пор есть Империя, Париас, Номикан, Сэйкарон, кочевые племена орков, лесные и серые эльфы и так далее...

Ты, Арна – Искоренитель. Ты и сама это знаешь. То, что случилось сегодня – всего лишь очередная, завершающая стадия Пробуждения Дара. У тебя и раньше ведь случалось, что ты внезапно понимала, что чувствует тот или иной человек?

– Иногда бывает, но...

– Это то же самое. Только гораздо сильнее. И ты можешь это контролировать. Больше того, ты должна научиться контролировать эмпатию, в противном случае сойдешь с ума. Я научу тебя ставить щиты и считывать эмоции выборочно. Тебя ждет тяжкая судьба, но – ты выбрала ее сама, не так ли? Впрочем, не об этом сейчас речь.

Те пятеро, уходя, поняли, что рано или поздно может слу-

читься и так, что не помогут миру ни Танаа, ни Искоренители. И тогда один из них силой своей ни на что не похожей магии создал Предопределение.

Раадан замолчал, невидяще глядя в золотое пламя. Арне на миг показалось, что он смотрит куда-то в далекое прошлое...

– Когда посмотрит в сторону этого мира Серый Вестник, – нараспев продолжил он, – когда сталь принесет Рок и острие изменит Судьбы, когда останутся считанные годы до дня, в который сойдутся в битве заклятые братья, когда откроет глаза новорожденная раса, которой нет, когда слепая синева распахнет Врата во Тьму, придет Возлюбивший. Отречется он от пути избранного и предначертанного, и примет путь предопределенный, и будет этот путь путем великой любви, и погибнет он во имя ее, и кровью добровольной благословит мир.

Зала погрузилась в тишину, нарушаемую лишь еле слышимым дыханием.

– Оно уже начало сбываться, да? – тихо спросила Арна.

– Да. Одно из условий Предопределения выполнено, и механизм запущен. Остальные не заставят себя долго ждать.

– Но... какое отношение это все имеет ко мне?

– Не знаю. Этого даже я не знаю. Но предчувствую – ты должна это знать. Дело даже не в Предопределении. Недавно я почувствовал угрозу, нависшую над этим миром. А почувствовав угрозу, начал искать способ отвести беду. И на-

шел... тебя.

– Меня? – ошарашенно переспросила Танаа. – Но... я же... всего лишь...

– Ты – Искоренитель. И от этого ты не можешь уже – да и не хочешь – отказаться. А я научу тебя большему, чем то, что дают возможности Искоренителя. Даже если я не прав и сгущаю краски – хуже от этого миру не будет.

– Кто ты? – Арна задала этот вопрос неожиданно даже для себя. Позже она пыталась понять, что же подтолкнуло ее тогда, но так и не поняла.

Раадан поднял голову и посмотрел девушке в глаза.

– Я отвечу тебе, когда мы будем прощаться, – наконец проговорил он тихо. – А сейчас скажи мне – ты согласна стать Избранной? Согласна ли ты учиться хранить этот мир? И согласна ли в случае необходимости отдать за него кровь и жизнь – как свою, так и чужую.

Казалось, вечность прошла, прежде чем Арна нашла в себе силы согласно кивнуть.

– Да.

– Дай мне руку, – он встал, протягивая ладонь прямо сквозь пляшущие языки огня.

Почему-то не боясь ожога, девушка протянула руку и вложила свои пальцы в пальцы Раадана. Золотое пламя внезапно взвилось под потолок, на миг охватив их обоих, но не опалив, а разжигая все еще плавающие по венам искорки.

И Арна на мгновение задохнулась от осознания восхити-

тельной правильности происходящего. Все так, как должно было быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.